

ИДНА

Выпуск памяти 23.02.2026

КАРИНЕ...

Между строк и
...пряников

СОДЕРЖАНИЕ:

СЛОВО СЕМЬЕ	5
«ПОЭТОВА СУДЬБА»	
- стихи Карины	8
«ЧЕРНО-БЕЛЫЕ» РАССКАЗЫ	
- рассказы Карины	21
СЛОВО ДРУЗЬЯМ	
- стихи друзей.....	42
ТРИ ГОДА – ЭТО МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ	
- проза друзей	44
ЭПИСТОЛЯРНОЕ	64
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК	
- рассказы Карины	72
- подарок Карины	82

СЛОВО О РЕДАКТОРЕ

поэзия

www.igla.pro

Карина Исакаева
Писатель, редактор, биолог,
преподаватель, маркетолог

Дорогие читатели!

Перед вами номер, посвященный одному человеку. Веселой, доброй, смелой, остроумной, честной, одаренной, образованной, сильной, непоседливой, тонкой, предприимчивой, романтической, мечтательной, доверчивой, щедрой, чуткой, красивой, мудрой, жизнелюбивой... узнаете? Те, кто был знаком с этой удивительной женщиной, конечно узнал её. Другие – смогут узнать, прочитав этот выпуск.

Можно перечислить через запятую все положительные характеристики человека, а в конце написать ее имя – Карина. Я выбрала самые яркие черты, которые увидела в ней за три года нашей дружбы.

Что такое три года? Копейки? Пожалуй - если ты вампир и живешь триста лет. Но, девятилетняя Оливка, внучка Карины, вряд ли с этим согласится: для нее это треть жизни! Для внука Юлиана – почти половина. А для людей, чью жизнь разрушила война – это вся жизнь, вся их новая жизнь, горящим комом прокатившаяся по старой.

Новая жизнь Карины началась на следующий день после дня рождения. Сам день рождения был в среду, в субботу она планировала отметить его с друзьями, а в четверг началась война. Да, она родилась 23 февраля.

Росла в Грузии, выросла в Прибалтике, жила в Украине... Биолог по диплому, она побывала учителем и маркетологом, логистом и писателем, редактором... и даже «грузчиком» на польской фабрике, что с учетом ее малого роста и хрупкого телосложения можно бы считать комичным, если бы не великая трагедия, приведшая к этому «сюру».

Карина объездила некогда великую страну от Башкирии до Заполярья, где «в июле была «жара» плюс восемнадцать и местные дети в сарафанах бегали». Она интересовалась всем: флорой, людьми, рецептами местной кухни. А знаете, что было её фирменным блюдом, визитной карточкой, любовью и вдохновением? Имбирные пряники.

«В первые дни беженства я об пряники спасалась, - писала Карина. – Замешиваешь тёплое медовое пряное тесто – и вокруг него сама собираешься в человека из обрывочков и ошметочков».

Рецепт этих волшебных пряников – одно из главных сокровищ, которые достались мне от подруги. Хотя почему мне – нам всем! Своим «тайным знанием», щедрая к миру, Карина поделилась, так же легко и радостно, как она отдавала людям свою любовь и помощь. Её подарок вы найдете в конце номера.

Кира Февралёва

P.S

Я буду скучать по тебе, дорогая подруга. Мы все будем скучать, вспоминать, восхищаться, цитировать. Пока же мы читаем твои стихи и рассказы последних лет, поделимся воспоминаниями, фразами из переписки, поплачем и посмеемся, а после - поставим тесто на пряники.

твоя К. Ф.

| СЛОВО СЕМЬЕ

Мысль, что человек рожден не для того, чтобы думать, а для того, что жить верна на все сто.

Мозг изначально так устроен. Его задача - выжить и жить. Долго и счастливо - в базовые настройки не входит, над этим надо работать, прилагать усилия, принимать решения - и подсознание будет этому сопротивляться. Подсознанию не нужно упоение полётом - или плаванием. Это же опасно.

Магир, муж Карины

С Кариной мы познакомились 1 декабря 1987г. Она училась в Харьковском университете им. Каразина, а я Харьковской академии городского хозяйства.

Я тогда, когда познакомился с ней, был самым счастливым человеком на свете. Я познакомился с человеком с большим сердцем, с чистой душой и очень умной. Она всю жизнь помогала людям, давала дельные советы, если могла, помогала финансово и вообще поддерживала в трудную минуту. Она была светлой души человеком. Она прямо светилась. Ее любили все друзья, соседи, коллеги на работе. Она всегда устраивала какие-то праздники, развлечения. Короче, была центром Вселенной.

Когда я говорил, что у меня проблемы на работе, она отвечала, что это не проблемы, а задачи и их можно решать. И так мы поддерживали друг друга всю жизнь.

Когда она позвонила и сказала, что у нее проблемы со здоровьем, я сразу поехал к ней и до последней минуты был рядом. Подробности не буду описывать.

Она была предана семье и работе. И она работала до последнего дня.

Я ее никогда не забуду. Вечная память. Не пойму, почему именно такие люди уходят от нас?

Вероника, дочь Карины

Когда я думаю о маме, первое, что приходит в голову — её внимательность к деталям. Забота у неё никогда не была абстрактной: она всегда проявлялась в конкретных, почти незаметных мелочах. На завтрак это было не просто варёное яйцо, а порезанное «звёздочками» и аккуратно уложенное на тарелке вместе с остальным. Так было с каждым блюдом и в любой день — красиво и аккуратно уложено, украшено. Просто так, потому что не было никаких кулинарных критиков. Хотя мне кажется что с заботой, красиво уложенная и украшенная овсянка в красивой тарелке все-таки вкуснее той, что бессмысленно шлёпнулась в миску. Когда ей говорили, что она могла бы быть поваром или открыть ресторан, она отвечала, что может готовить только для тех, кого любит — и не может для всех подряд.

У моей дочки Оливии были очень длинные волосы — длинные, густые, они путались, как паутина. Она совсем не хотела их укорачивать, а расчёсывать их было настоящим мучением. Бабушка Карина делала это терпеливо, долго и не больно: гребешком, распутывая по волоску каждый узелок и каждую «паутинку». Когда я была маленькая, мама рассказывала — то ли легенду как правду, то ли правду как легенду, — что у некоторых народов, например в Индии, такие длинные, блестящие и густые волосы потому что мамы их расчёсывают. Мамина мама часто повторяла: «Волосы должны быть как вода — пальцы проходят и не цепляются». Это было одновременно и медитацией, и временем вместе: мы сидели, разговаривали, смотрели фильм и расчёсывали волосы.

С детства одной из самых важных книг для неё были истории про Муми-троллей. В этих сказках для неё всегда были тепло, уют, поддержка и умение радоваться тому, что в спешке легко не заметить. Она много времени проводила в задумчивости — читая или сосредотачиваясь на чём-то. Некоторые вещи предпочитала не видеть: при небольшой близорукости она не носила очки или линзы, говоря, что так сразу становятся заметны пыль, грязь, морщины и неровности, а она предпочитает жить в мире немного приятнее.

Самым счастливым периодом своей жизни мама называла последние три года. Она говорила, что встретила важных для себя людей, много времени проводила с внуками и нашла работу мечты.

| «ПОЭТОВА СУДЬБА»

*«Мы все живем в иллюзиях.
И те, кто верит всему, и те,
кто не верит ничему.»*

Известно, что стихи - дело серьезное, ответственное, и, не побоюсь этого слова, математическое. Нужно не только подобрать рифму, но и высчитать количество стоп, правильно расставить ударения, при этом не забыв, что хотел сказать автор ... Но человека, привыкшего решать задачи экзистенциальные, фалековым гендекасиллабом не напугаешь! И вот из месяца в месяц, каждую неделю, Карина делала «домашку» - писала стихи на заданную тему. А после, воскресным вечером, выходила на улицу и начинала поиски Интернета – для выхода в зум, в таинство ЛИТО – компанию, объединившую таких же неукротимых романтиков с логарифмическим рифмометром.

Поиски сети, порой, заводили в неожиданные места – то на поле засеянное кукурузой, то на кладбище – что поделаешь, если там лучший приём в деревне? Поиски рождали казусы, казусы - новые рифмы и стихи, стихи – новую порцию чистой энергии и силы и впредь писать, зачеркивать, «грызть карандаш» и выходить в вечер на поиски себя.

На этих страницах есть ученические пробы пера, стихи, написанные «на коленке» между решением житейских задач, пришедшие во время помешивания супа или двадцатиклометровой «прогулки» до города. В них – печаль и надежда, беда и спасенье. Но больше всего - искрометного озорства, бесстрашного полета фантазии и веры в чудо.

Каждый раз, публикуя новое стихотворение, Карина ставила хэштэг **#судитестрого**.

***

Надежды остров - моё лито,
Когда пошло всё не так, не то,
На сердце камень, дыра в судьбе,
Сквозь бури, ветер плыву к тебе.

Вторая кожа моё лито,
Броня забрало, и в снег пальто,
Очки от солнца, звезда во тьме,
Бальзам на раны в больном уме.

Дыханье музы моё лито,
Удачи жребий, джекпот в лото,
Приют душевный, где у огня
Всегда есть кто-то, кто ждёт меня.

Ядовитая рифма

Мне бы тонкой лирикой,
Мне бы детям сказки,
О принцессе миленькой,
О любви и ласке.

Рифмой нежно-розовой,
Облачной и пенной,
Строчку вить за строчкой,
Чинно и степенно.

Но совсем другие
Вещи происходят,
Страшные и злые
Рифмы всё приходят

Змеями вползают -
Вот какая шняга,
И от яда рифмы
Плавится бумага.

Скрюченные нервы
С кровью ритм мешают,
Пеною кровавой
Строки орошают.

О войне, о суме, об изгнании,
О тоске вдалеке и страдании,
О разрушенном, о несбывшемся,
О задушенном, не родившемся....

Но я ж не об этом
Свою песню пела,
Я детским поэтом
Всегда быть хотела.

А она крадетсЯ,
Словно тать в ночи.
Рифма злобно жжётся,
Как огонь в печи.

О медвежонке плюшевом
Над детской могилой,
Об обгоревшей книжке
С картинкой очень милой.

О прервавшемся, о не спетом,
Еле теплящемся, не согретом,
О тростинке на злом ветру...
Эту рифму я как слезу сотру.

Летучая мышь

Меж крышами и тучами
 Витает мышь летучая.
 С немислимою грацией
 Игнорит гравитацию.
 И вот
 идет на вертикальный взлёт
 Ой!
 Скользит как дух святой
 над водой.
 И в ночи
 метко рыбу бьёт влёт.

А ещё - ух!
 Про нее идёт слух.
 Только глупый этот слух лжёт,
 будто ночью мышка кровь пьет.
 И шевелится в умах - ах!
 мерзкий ужас, ледяной страх.
 И при виде мышек сердце - ёк!
 скачет в пятки, а в глазах – упрёк.

Друг! Тебе ль, кому который год
 шеф ест печень, тёща кровь пьёт,
 мозг высасывают телевизор и жена,
 Мышь летучая и вправду так страшна?

Ты взглядишь
 Как она взмывает ввысь!
 Так суметь
 Силу тяжести преодолеть
 Ни один не способен зверь
 Ты и я в их числе, поверь.

До тебя ей дела вовсе нет.
 Соединяет она вечер и утро,
 лунною нитью закат и рассвет,
 ей ни к чему твое алкогольное нутро.

Широкими стежками сшивает пустоту,
 Сплетая воедино
 Стабильность и мечту,
 Земную твердь и небо,
 Седую быль и небыль.

Ей безраздельно ночь принадлежит -
 Какие тайны ей доверила природа!
 Зачем ей твой тупой эритроцит,
 Когда крылом она коснулась небосвода?

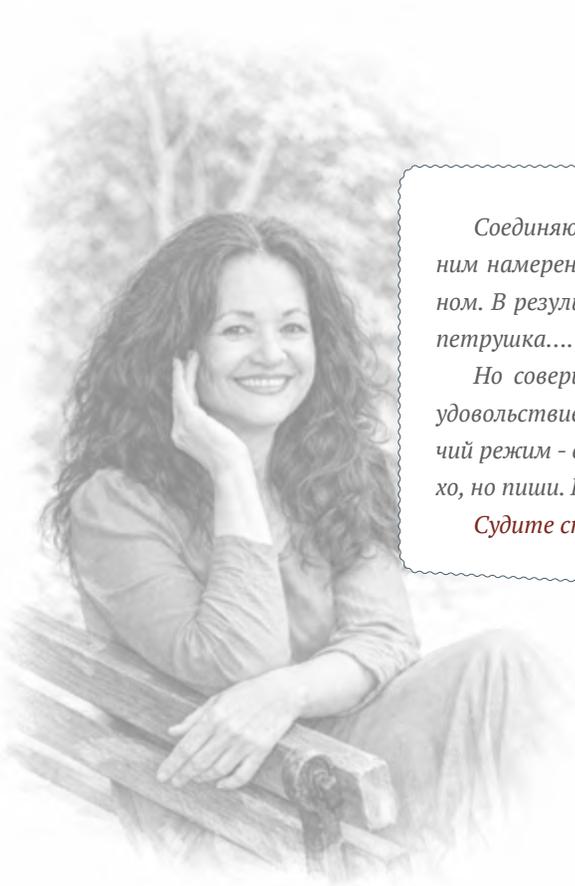
Во тьме ей слышно как растет трава,
 Как соком наливаются плоды,
 Из почек пробивается листва,
 Как распускаются прекрасные цветы,
 И как в душе цветка поет нектар,
 И мышь в полете, поцелуем,
 Срывает этот щедрый дар
 А мы ее вампиром именуем!

Прости, дитя свободы и полёта,
 Не слишком умного соседа по планете,
 придумавшего танк и пулеметы,
 И на тебя напрасные наветы.

«В четверг был Толстый Четверг - в этот день вся Польша ест пончики и идёт на карнавал.... Пончики в нашей деревне - это нечто восхитительное, кроме традиционных - со сливами и розами, ванильные, шоколадные, карамельные, с крем-чизом....

На карнавал внучка захотела быть летучей мышью. Костюм шила из киевской занавески, атласных лент и своей сумочки - из неё я добыла кожу на мышьиные ушки.»

Соединяю домашнее задание про страх с давним намерением написать что-нибудь брахиколоном. В результате, чувствую, что - ни грушка, ни петрушка....

Но совершаю переход из режима - пишется в удовольствие и это просто удовольствие, в рабочий режим - сегодня не пишется хорошо, пиши плохо, но пиши. Вот, написала плохо.

Судите строго.

***

А ну-ка спрячь коньяк, лирический герой,
Пижонский свой бокал задвинь за батарею.
И водку тоже спрячь, и ром скорей зарой,
Тем более - sake, ведь не силен ты в рзях.

И к виски не тянись, не наливавай бурбон,
Я знаю, ты герой не нашего романа.
Звенят бокалы тут, не про тебя тот звон,
Бухают бимбер здесь поэты – хулиганы.

1410 – милая каждому поляку цифра. Это – год победоносной для Польши Грюнвальдской битвы и рецепт бимбера – знаменитого польского самогона: 1000 гр сахара, 400 дек воды, 10 гр дрожжей. (Деко - популярная в Польше мера - чаще всего просят взвесить не в граммах-килограммах, а в деках, 1деко = 10 грамм).

***

Зачем покой ты мой нарушил
И разум рифмой изувечил?
Катреном первым целил в душу
Но попал всѐ в больше в печень.

Второй катрен ты плюхнул в лужу
Заляпал всѐ, отчистить нечем.
Твой ямб мозги сверлит натужно,
Хорей холерой херит ливер,
Терцет кишки буравит душно,
Как сбрендивший гуанодиггер.

Твоих стихов тупые строки
Впились мне в спину частоколом.
Я побежала без оглядки,
А ты мне вслед палил глаголом.

Поэт! Зачехли слов оружие.
Стреляешь буквой неумело,
Хотел согреть стихами душу,
Но растерзал ты рифмой тело.

Это зависит от того, чья это тайна. Если она твоя - то ты нам можешь её открыть, а можешь только приоткрыть на полвареничка. Например, показать как к тебе рифма приходит)) А если это тайна сама по себе - или того хмыря Бермудского, то можно ее раскрыть - или хотя бы попытаться...

***

На всех парах, со всех копыт,
Мир променять готов не глядя
Девятки на нули. Летит
Планета с тормозом не сладив.
И не вписавшись в поворот,
Взбесившись от какой-то дури,
В девятисотый плещет год
Всё населенье, чада, скот.

Содом от изумленья окосел
Немым вопросом глядя на Гоморру.
Безмолвно Вавилон раззявил рот,
И только мелкий остров Сентинел*
Спокойствие хранил в далёком море.

Аборигенам крах сей до кокоса.
Лук, стрелы - это вещь!
А на айфоны нету спроса,
Не клюнут на него ни барышни, ни лещ.
Сто лет туда, сто лет сюда
В их веке каменном -
Пыль, тлен, труха и ерунда,
Гори хоть пламенем.

*Северный Сентинел - остров, населенный крайне недружелюбными аборигенами. Имеют привычку расстреливать пытающихся высадиться на берег гостей из лука. Бьют метко, поэтому о жизни их известно больше из вертолётных съёмок.

Талант может найти людей, которые видят мир как и ты, а гений обречен быть одиноким. Мне так кажется.

*У меня такая фишка с алкоголем от войны - не пьянею и вкуса никакого...
Алкоголь утратил смысл... печалька...*

***

А на рифму бледну-худу
Букв пошло чэтыре пуда
На напёрсток смýсла -
Ведро и коромысло

***

У меня с Петраркой ссора:
Спор о темах для стихов.
Он — о деве с томным взором,
Я — про быт, обед и кров.

Пишет он высоким штилем,
Нескладушки я строчу.
Полон нежных он идиллий,
Я — борщом и пикачу.

Он о локонах Лауры,
Я про грипп и винегрет.
Он считает, только дуры
Пишут так: ты — не поэт.

Бутерброд ему намажу,
В турке кофе заварю
Подобрее — и расскажет
Про соседку свою.

Проболтаем до рассвета
в золотистых облаках.
Согласимся: мы — поэты.
Я на кухне — он в веках.

***

Зайди, небритый снеговик
В мою высокую обитель.
Друзья тут редки, лишь лесник
Заглянет изредка. Грабитель
Бывает, сунется, но вмиг
Уносит ноги. Ты подумай,
Как я изныла тут, старик.
Ты отчего такой угрюмый?
Зачем морковкою поник?
И почему не сбрил солому?
Да и сюда зачем проник?

Входи, если неведом страх,
Хлебнем чайку, в газету глянем,
Узнаем новости из врак,
Поищем истину в стакане.

А после двинем к леснику -
Я часто у него бываю -
И вся деревня зубоскалит:
Мол, белка у него ку-ку!

Скажи, мой хладнорукий друг,
За что меня никто не любит?
Мне, белке, тошно средь пьянчуг,
Их общество меня погубит...

***

Омар по прозвищу Хайям
В лагуне слыл поэтом:
Он укротил хорей и ямб
И рифмовал при этом.

Глаголом жёг косяк миног —
Забей, — цинично ржал косяк. —
Глупее выдумать не мог?
Уж лучше мы забьём косяк.

Читал девицам-устрицам,
Они стихам внимали
Но бредом и безвкусицей
Его стихи назвали.

Мурене посвятил сонет,
И растопил ей душу.
Теперь добрее твари нет
Но сам Омар укушен.

Трудна поэтова судьба
И на душе так пусто.
Жестока фауны гурьба -
Ушел Омар в лангусты.

Теперь Лангуст зовется Пруст
И Пруст не так-то прост
Он модернист и новеллист
И славен Пруст до звёзд.

***

Алё, Петрович, help и SOS
За мной шпионит пылесос!
Клянусь, я, без обмана,
Звоню из-под дивана.

Часы предательски стучат
Паук науськал паучат,
А из окна стирайки
Трусы глядят и майки.

С утра мерзавец чайник
Кому-то насвистел,
Он там у них начальник
Но я его огрел.

Потом посудомойку
Отправил на помойку,
И подделом шпионке
И бандерше каюк.

Бак капал унитаза,
Разнёс обоих сразу.

С боем полз я из сортира,
За мной следила вся квартира,
Выдрал стрелки из часов,
Запер двери на засов,
И вот забрался под диван.
Петрович! Как ты там, друган?

...два светящихся красных немигающих глаза духовки..... Кто проектировал этот ужас? Вот так в ночи пойдешь поклоняться к алтарю холодильника а за тобой духовка следит очами саурона...

*Пока варила борщ, как-то сама собой сварилась
рифма. Борщ удался, рифма - так себе, но остав-
лю. Похоже, становлюсь ботаником в школьном
смысле этого слова - второй раз одну и ту же до-
машку делаю (или это - тяга к алкоголю? С утра
- по коньячку)
Решайте сами...*

А ну-ка спрячь коньяк, лирический герой!
Заждались паруса, пусть их наполнит ветер,
Ассоль устала ждать, и думает порой,
Нет алых парусов, героев нет на свете.

Пока ты здесь сидишь вокруг случилась жизнь,
Безумства и шторма не раз сносили гавань.
И без тебя прошли сто свадеб, войн и тризн,
Пока ты смысл искал на мутном дне стакана.

Очнись, вставай, беги, заказывай шелка,
И цветом рдели чтоб алей кровавой мэри!
Смени скорее шум и затхлость кабака
На плеск свободных волн и рёв ветров на рее.

***

А помнишь, в питомнике змей и рептилий
Внезапно роман мы с тобой закрутили?
Тебя впечатлил романтичной слезой,
А сам был сражен грациозной гюрзой.

Тебя не смущал крокодилий оскал,
Твой взгляд мою кожу в пупырьках ласкал,
Но вместо меня в своих грезах при том
Ты видела лишь чемодан от Витон.

Ведь я – крокодил самой тонкой души.
Тоскующий в тине, болоте, глуши.
Тебе, как подарок небес я был дан.
Меня ты ценила лишь как чемодан.

Рыдал крокодил о несчастной стезе,
Взывая к прекрасной коварной гюрзе.
А та приглядела удава в затоне –
Гюрза уже грезит про клатч из питона

Напрасно рептилий так бурно страдает,
Ведь если к другому гюрза уползает,
То это не всем очевидное зло,
И тут неизвестно – кому повезло.

Витязь на распутье

Камень, обильно загаженный вороном,
Мохом и плесенью густо зарос.

Витязям, скачущим в разные стороны,
Он отвечает на главный вопрос.

Прямо поедешь — так с жизнью расстанешься.
Ясно как день, камень честен с тобой.
Прямо попрешь — лбом в него ты втемяшишься.
Вон, видишь, череп с такой же судьбой.

Вправо поедешь — жена тебе с тещею
Будут на пару мозги выедать.
Влево подашься — отыщешь сокровище:
Ночи не спать, чахнуть, бдеть, охранять.

Витязь задумчиво чешет заштопанный,
Вдрызг стёртый в конных скитаниях зад.
Понял он вдруг, почему тут протоптанный
Путь лишь один был — дорога назад.

Гениальному Врубелью было пофиг, что будет с его картиной после того, как он ее написал. Это не делает его менее гениальным. Но правда и то, что большинству художников нужен зритель и покупатель.

Дети, дети, вы просили рассказать вам почему...

Дети, дети, вы просили рассказать вам почему-
Общежитие скелетов скрыто в маминном шкафу.
Знайте, дети, что скелетам в летний день и стужу
Очень страшно даже череп высунуть наружу.
Все они боятся монстров толстых злых и гадких,
Что коварно притаились вон под той кроваткой.
Стойте, дети не спешите, тыкать туда швабрами,
Монстры эти оказались не такими храбрыми.
Помните, играли вы в индейцев и ковбоев
И вигвам построили из сорванных обоев?
Вам нужна была трава для пампасных далей,
И тогда вы налысо монстров ободрали.
Вы, конечно, не хотели быть настолько грубыми,
Просто перепутали их с маминными шубами.
План пампасов был прекрасен, только той щетины
На пампасы не хватило ровно половины.
Монстры быстро оценили эти перспективы
И сбежали, фиг с ней, с шерстью, были б только живы.

«ЧЕРНО-БЕЛЫЕ» РАССКАЗЫ

Мы тут собрались из любви к литературе. Но всегда любить что-то абстрактное и прекрасное проще и приятнее, чем конкретного друга-писателя.

Что может толкового написать этот слишком старый, молодой, давно уехавший, какого-то черта оставшийся, с запятыми, без запятых, с тире некстати, злоупотребляющий многоточиями, алкоголем, многословием, молчанием, собственным мнением, точкой зрения...

И как-то в этом пылу отклонились от курса - от текстов. Но ничего, в бурном океане жизни всяко бывает, парус заклеим, курс подправим, раны залижем, и поплывем к светлой цели - разбирать тексты. Как здорово, что все мы здесь за этим собрались.

Карина Исакаева

А НЕ БЫЛО НИКАКОГО ПРЕДЧУВСТВИЯ

Две тысячи двадцать второй год начался с запаха корицы, гвоздики, муската и надежды.

В моём доме все декабри пахли корицей — я пекла пряники, и пространство наполнялось духом Рождества. А этот декабрь к тому же упоительно пах надеждой. Вот-вот планета победит ковид и заживем лучше прежнего. Так и въехали в 2022 год — с пряниками, корицей и надеждой.

Снаружи попахивало войной. Да что там говорить, уже не пахло — смердело. Миазмы проникали в мысли, планы, разговоры. Но не для меня — я спряталась в своём уютном доме под тонкую шаль ароматов.

Да и откуда ей взяться?

Глупость какая.

Средневековый анахронизм.

Не может быть.

Но каждый день по дороге на работу, я выхожу из троллейбуса на остановку раньше, чтобы пройтись. Через парк Горького или по тихим старинным улочкам. Брожу и наглядеться не могу. Фотографирую, фотографирую, фотографирую...

Можно было бы сказать — предчувствие войны, можно — предчувствие прощания. Можно — но нет, не было его.

ДО НАЧАЛА ВОЙНЫ — ТРИ МЕСЯЦА

На самом деле война идет уже восемь лет, восемь долгих лет Харьков — прифронтовой город, принявший на себя волны беженцев. Многие тут и остались. Переселенцы. Старое как мир слово обрело новый, с привкусом полыни, смысл.

— Ты останешься или уедешь? — спрашивали друг друга бывшие донецкие и луганские.

Уж эти запах надвигающейся беды распознавали безошибочно. И мне бы прислушаться, но я думала — дуют на воду. Травмированные войной — они теперь от любого резкого звука вздрагивают.

Знакомая из Донецка еще в январе схватила сына в охапку и уехала в Тернополь в полной панике.

«Паникерша, — подумала я, — нашла время для отпуска».

Сочувствую ей искренне, сострадаю, но — не верю.

Ну какая может быть война в самой большой стране Европы?

ДО НАЧАЛА ПОЛНОМАСШТАБНОЙ ВОЙНЫ — 25 ДНЕЙ

— Я пыталась не привязываться к вещам, — говорит девушка из Луганска, — но не получилось. У меня опять милых сердцу вещей больше, чем я могу взять с собой — беру каждую в руки и мысленно с ней прощаюсь.

Говорит печальным голосом, руки лодочкой, как будто в них лежит котёнок, смотрит сквозь руки туда, где осталась её прежняя жизнь. Здесь она создала новую, из осколочков. И теперь снова — мерзкие шупальца войны.

«Еще одна паникерша, — думаю я, — нашла повод для переживаний». Сочувствую ей искренне, сострадаю, но — не верю.

Ну какая война в двадцать первом веке!

А вот такая. Она уже идёт — восемь лет. Метастазами окутала Крым, Луганск, Донецк.

Мы говорим шестого февраля. Я записала это в своем ежедневнике. Это самый странный ежедневник в моей жизни. В нем нет дат и дней недели. Зато у него тисненый золотой корешок, металлические уголки и желтоватые странички с призрачно проступающими дворцами, замками, марками и почтовыми штемпелями.

Этот блокнот я купила года три назад – из-за его невысказанной красоты, но так и не придумала, что в него писать, писать-то надо что-то невысказанно прекрасное. А в новом, прекрасном две тысячи двадцать втором году я назначила его ежедневником.

Как будто бы я знала, что дни будут без чисел, недели без счёта, а месяцы сольются в один сплошной февраль. И никаких планов на будущее. Нет будущего – нет планов. И мой искусственно пожухлый ежедневник дожухнет самым естественным способом, на дне рюкзака, утонет залитый слезами.

Но нет – не было этого предчувствия – год должен быть таким же дивным, как этот винтажный блокнот. А даты – напишем от руки.

ДО НАЧАЛА ВЕРОЛОМНОГО ВТОРЖЕНИЯ В УКРАИНУ – ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ

— Ты уже знаешь, что ты будешь делать? – спрашивает меня сестра. Она пережила войну в Израиле, она тоже знает ее запах, чувствует ее приближение. Но я упорно думаю, что и она – паникёрша. Ну что она там, в Канаде, может знать о нашенских реалиях. Ну какая может быть война?

Но мы собираем деньги и документы в тревожный чемоданчик и держим бак в машине полным. Что должно быть в тревожном чемоданчике – любимая тема донецких и луганских. Они могут его собрать во сне. Одной левой. Не приходя в сознание. Они уже приняли решение. Уже каждый из них знает самое главное: кто останется и кто уедет. И у каждого есть веские аргументы в пользу этого решения. Но независимо от решения чемоданчик должен быть. Тому, кто едет – в путь, тому кто останется – брать в убежище. Смешные такие. Какое может быть убежище тут, в Харькове? В милом, мирном, безмятежном Харькове. Таком наполненном жизнью, кипящем весельем, переливающимся разноцветьем огней и афиш.

Я слушаю их разговоры вполуха. К реальной жизни они отношения не имеют. Харьков и война – понятия несовместимые.

ДО ОБСТРЕЛОВ НАШЕГО ДВОРА – СЕМЬ ДНЕЙ

Несколько лет назад мы переехали из центра на тихую окраину, отделенную от города многокилометровой полосой леса.

Поближе к границе с агрессивным государством – поселок примет первый удар.

Красивый дом, дивный вид – дальше только леса и поля. Дом раскинулся белым лебедем, красиво смотрится с окружающей, особенно в прицел.

На последнем этаже, сверху никто не топает, выше только звезды.

Электричества не будет месяцами, лифт встанет намертво.

Рядом с университетским ядерным реактором. Кто же будет бомбить ядерный реактор? Это невысказанно! Бессмысленно! Опасно!

Будет.

Надо запомнить всем, везде и навечно: тот, кто сбрасывает бомбы, не руководствуется логикой и здравым смыслом.

Квартира с большой студией, мебель – специально выдуманная, скроенная и сшитая другим дизайнером под мои хобби.

Его уже нет. Он – мариуполец.

Чайный домик на лоджии – каждый гость выбирает себе чашку: из невесомого фарфора или увесистую из глины и чай из коллекции. Или кофе. И мы завариваем чай, варим кофе и говорим, говорим, говорим. И от этого чая, от этих разговоров разливаются тихое счастье и заполняет всё вокруг.

На лоджии справа и слева влетели осколки, всё – вдребезги, а мои чашечки, говорят, целы. Бессмысленный тонкий фарфор. Напоминание о невозвратимом прошлом.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ФЕВРАЛЯ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ГОДА

22.02.2022. Красивая дата.

Иду в Никольский.

Тот самый, который разбомбят первым.

Дети скачут на интерактивном ковре. Это так заразительно, что сама делаю пару шагов и смотрю, как разбегаются из-под ног разноцвет-

ные картинки. На душе тихая радость — завтра у меня день рождения, и я пришла сюда за красивым платьем. А купила толстое, теплое, вязаное, уютное, оверсайз.

Его наденет через две недели мама, когда мы отправимся в эвакуацию, в неизвестность. Можно было бы сказать — предчувствие, но нет, не было его, я не верю в войну. И не слушаю паникеров. Вы о чем, люди?

ДО КОНЦА МОЕЙ СКАЗОЧНОЙ МИРНОЙ ЖИЗНИ В МОЕМ УЮТНОМ ДОМИКЕ В САМОМ КРАСИВОМ РАЙОНЕ ХАРЬКОВА НА КРАЮ ПРЕКРАСНОГО ЛЕСА ОСТАЛОСЬ ДВА ДНЯ

23.02.2022

Я хорошо помню утро 23 февраля 2022 года. И ощущение тихого счастья.

Как шла по пушистому снежку и радовалась. Просто жизни, снегу, грядущей весне. Строила планы и удивлялась. Планы были скучноваты, но от них было на душе тихо, солнечно и неопишимо счастливо.

В этот день мне исполнилось 55. Погода была чудесная, жизнь наконец-то была чудесна именно так, как мне мечталось и будущее представлялось тихим и безоблачным, каким-то чересчур тихим.

Поговаривают, что может быть война. В последнее время часто поговаривают. Па-ни-кё-ры!

Ковид показал всем, как хрупка человеческая жизнь, как уязвимо человечество. Впервые Мир что-то делал именно всем миром. Мы всей планетой сидели в карантине. И всей планетой поняли ценность каждой минуты, каждого дня, каждой жизни.

Человечество теперь умеет что-то делать всей планетой — тут до решения глобальных проблем осталось полшага. Смотрите, какой красивый год — 2022 — что плохого может случиться с таким красивым годом? Самое страшное — локдаун — позади, чего нам бояться?

И я искренне убеждала в этом всех вокруг, в этот самый день, в офисе, этими самыми словами. Хорошо запомнила. День был такой — памятный, и день рождения и последний день мирной жизни.

Вечером прощаемся с друзьями на опушке леса. За день навалило снега, они идут прокачаться на лыжах. Шутим про последний снег и

последнюю лыжную прогулку, и про то, как мне повезло жить на самой опушке леса и при этом в миллионном городе, а им вот, приходится ездить со всеми лыжами.

Лыжная прогулка на самом деле последняя, снег выпадет еще не раз и даже апрель будет снежным, еще одно испытание военного года, вот только всем уже будет не до прогулок, лес до сих пор заминирован, на том самом месте, где мы прощаемся завтра будет бой и подбитый броневик будет стоять еще много дней.

Уютно отметили красивую дату дома с мужем и котом. Обсуждаем, как отметим с родственниками, как отметим с друзьями, как полетим в Испанию и как это будет здорово — вот из этого пушистого снега и прямо в Испанскую весну. Впереди — счастливая вечность.

ДО КОНЦА СЧАСТЛИВОЙ ВЕЧНОСТИ — ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Мы проснулись от страшных звуков обстрела и еще более страшных звуков — боя. Бой был совсем рядом, буквально под окнами.

Нет, это муж проснулся и разбудил меня — тихим, страшным, потерянным голосом.

— Что? — спрашиваю.

— Всё... — отвечает.

И такая тоска в голосе... Такая невыразимая черная тоска! Чернее этой февральской ночи. Чернее отвратительной пустоты, которая вдруг разверзлась и поглотила всё: жизнь, планы, встречи, весну. В одну секунду стало ясно — всему этому конец. Всё. Исчерпывающий ответ.

Стоим на балконе, курим сигарету за сигаретой.

Вспышки и сполохи выхватывают из темноты очертания домов, панически вспыхивает свет в окнах, видны силуэты мечущихся людей, силуэты, застывшие изваяниями.

Страх придет позже. Паника, отчаяние, ярость — все это позже. Первой пожаловала тоска, прогрызла в душе черную дыру, и эта дыра всосала всю радость, все краски мира.

Вокруг только война и февраль.

Дни без чисел.

Недели без дней.

Февраль без края и исхода.

ВСЁ.

ХАРЬКОВ. НАЧАЛО

Какая ирония! Думаешь, что делаешь свою жизнь комфортной и уютной, но однажды утром оказывается, что на всех парах мчишься навстречу смертельной опасности.

Переезжаешь из шумного суетливого центра в тихий безопасный пригород – и прямо под окнами твоего посёлка начинается война. До вражеской границы ближе, чем до центра города.

Вот тебе и тишина, и безопасность вождеделенные.

Кот был сразу недоволен новым местом. Наверное, что-то знал. Или предчувствовал. Но у кота совета никто не спрашивал, да и кто прислушивается к мудрым советам.

Стол и плита напротив окна, чтобы готовить и любоваться видом. Тщательно продуманный уют, все ложечки, тарелочки под рукой. Теперь это – самое опасное место в квартире. Готовишь и думаешь: вот влетит сейчас в окно, и перемешает тебя с борщом. Но процесс не прерываешь – надеешься, что не влетит, а борщ не любит, когда от него отвлекаются. Борщу война пофиг. И ты тут же думаешь, что и тебе – пофиг. Сковорода раскаляется, а ты остываешь. Закон сохранения энергии кухни.

Шансов на спасение на нашем последнем этаже – вообще немного. И в квартире безопасных мест – кот наплакал. Часть коридора и ванная. Там кот и плачет обычно. В ванной как бы нельзя – осколками плитки покалечить может. Но кот про осколки не читал и во время налётов бежит в ванную. Так и сидим там вдвоём, подвываем от ужаса, слушаем взрывы. Оглушительный звук – значит далеко. Оглушительный и бьёт в солнечное сплетение – рядом. Мы теперь умеем определять по звуку, где бомбят.

Звонит Алиса... Приехала из Варшавы родителей навестить. В Купянск. В прошлый свой визит Алиса приехала не недельку, и грянул локдаун. Неделька растянулась на полгода. После Алиса ездила смело, самое страшное, что могло случиться – уже случилось. Так она думала. Смешная.

Теперь сидит в подвале в Купянске, и мы с ней скулим дуэтом, и кот подвывает. Слава святому Коннектию, связь есть, можно скулить сквозь десятки километров.

– Мы не выберемся, – голос Алисы дрожит. – Мы не выберемся, мы останемся тут навсегда. Я самогона выпила. Всё равно – навсегда!

Плохо дело. Алисин самогон пугает меня больше взрывов. Она не пьёт. Совсем. Направляю всё мужество в голос:

– Жизнь налаживается – есть солёный огурец!

Алиса меня не видит, но я иду к холодильнику, беру этот огурец. Кладу на крышку унитаза и продолжаю вещать. Описываю с природы, чтоб Алисиному подвальному самогону не было так жутко и одиноко. Кот даже не удивился, он никогда не был высокого мнения о моих умственных способностях.

– Мы выберемся. И встретимся в Варшаве.

Рисунок
Ольги Прасол
«Падолист»

Мои слова звучат абсолютно фантастически – уцелеть в этом аду, выбраться в безопасное место, кажется нереальным. С такой же вероятностью можно планировать встречу на Марсе.

Через полгода мы с Алисой встретимся.

И именно в Варшаве.

Я привезу с собой солёный огурец. Как договаривались.

Это будет вечность спустя, в следующей жизни. Мы будем сидеть на её варшавской кухне с видом на сады. Сад в атриуме, сады на крышах, боже мой, люди идут гулять в сад на крыше, более мирного занятия не придумать.

Но война нас настигнет прямо там. В тот самый момент. В Купянске в дом ее родителей влетит ракета. И мы в ужасе будем звонить по всем телефонам, а связи не будет. Война несет много разных ужасов и страданий. Бессилие и неизвестность – её мерзкие метастазы. Но всё это будет потом. Мы пока не знаем об этом и просто воём с котом и Алисой.

Коту вскоре это надоедает, и он уединяется в ванне.

Ванна – островок безопасности кота, при первых звуках налёта кот уединяется там.

Пока не наступили перебои с водой. Я запасла воду в ванне. А кота не предупредила.

И вот – очередной налёт. Кот кинулся в ванну, я за котом, муж за нами.

– Стооой! – ору коту на бегу.

– С ума сошла, – думает на бегу кот, но он ведь и раньше был не слишком высокого мнения о моём уме, сходить особенно не с чего.

Опасность кот заметил уже в прыжке. Честно и тщетно пытался на лету сменить траекторию. Но успел только офигеть, так с этим выражением лица и погрузился в пучину. Теперь я знаю, что подводный офигевший кот способен на вертикальный взлёт. Войдя в нижние слои атмосферы ванной, кот превращается в электрон. Он сразу везде и нигде. На шкафах, под диваном, на диване, под столами, на столах, на стульях. Жидкости, которую вынес на себе электрон, вполне достаточно, чтобы изгваздать все видимые и труднодоступные места одной среднестатистической квартиры.

Я теперь умею сушить электрон, слегка. До идеала потом электрон сам себя доведет, языком. И не заметили, как налёт закончился, и за окном – блаженная тишина.

А кот со мной полдня не разговаривал. И как только догадался, что это была моя диверсия?

Но потомок льва – существо благородное: к ужину сменил гнев на милость. Да и пузо чесать кто-то должен.

И налётов бояться перестал. По крайней мере, перестал орать и в ванну нырять. А со временем даже просыпаться по таким досадным мелочам.

САМЫЕ МУДРЫЕ ЛЮДИ – ЭТО КОТЫ.

Рисунки
Ольги Прасол
«Город, вышитый дождем»

СЕЛЕДКА по-мариупольски

Даша была гурманка и эстетка. Яишенку со сковородки? Даже не думай! Всегда полная сервировка: скатерть, салфетки, приборы. И не дай бог перепутать бокал для белого вина с бокалом для красного! Готовила она божественно, конечно. Но редко. Да она и дома-то редко бывала, бизнес, командировки, просто поездки. Из всех видов туризма Дашка особо выделяла гастро. Всё – от мишленов, до крошечной закуской в диких джунглях.

Димка был просто гурман. Любил сам поколдовать на кухне, но и картоха со сковородочки – нормуль, главное правильно прожарить и вовремя лук положить, а потом можно есть прямо с хранящего жар чугуна. Но – редко. Бизнес, командировки, все дела. Из всех видов туризма признавал только гастро.

Так они и познакомились: покачнувшись на шпильках она уронила джонджоли на его белые брюки. И понесся тур за туром! Налетали вместе тысячи километров, преломили сотни хлебов, нещадно смяли простыни в десятках отелей. Им всегда было о чем поговорить, им всегда было о чем помолчать.

Как-то Дима спросил: какое блюдо и в какой стране было самым-самым. Даша не думала ни секунды. Лучшее блюдо на земле – селедка, приготовленная мариупольской бабушкой. Блюдо простое, самое главное – не пропустить ни один из важных ингредиентов.

О! Селедка в моей деревне – тотемное животное! (Полно селедки) и морковки)) И мне нужна скатерть. Выяснилось, что бездомностью это не лечится.

Так вот, стелим газету, лучше «Правду», но можно и «Известия». Любая газета с враками – сойдёт. Вот если газеты нет – готовьте что хотите, но не селедку по-мариупольски. На нее – горкой крупную соль, немного, столовую ложку, ставим рядом плоскую с ароматным рыночным подсолнечным маслом, насыпаем горой картошку в мундирах, рядом, собственно, селедку ломтиками. Селедку приличные хозяйки солят сами но можно обойтись и покупной главное, чтобы пряного посола. Теперь достаём из морозилки бутылку водки, наливаем тягучую в стопочку, любимся изморозью на рюмке. Берем картофелину, обжигаясь, очищаем её, макаем в соль и в масло, выпиваем водку, закусываем картошкой и селедкой.

Красота-а-а! Только газета обязательно должна быть настоящей, оф-лайнной, масло – домашним, водка – ледяной.

Почему-то Дима легко представил Дашу, раскладывающую картошку по газете, облизывающую селедочные пальцы, опрокидывающую гранёную заиндевелую стопку.

Но вместе продегустировать это блюдо им не довелось.

В феврале она улетела в Мариуполь, поздравить бабушку с днём рождения.

БОЛЬШЕ ДАШУ НИКТО НЕ ВИДЕЛ.

ОБЕД *на руинах*

В крепкий кипящий бульон уронила слезу. Пересол. Рука с ножом дрожать перестает рубя капусту в тоненькие нервы. Свекла и помидор иссечены в кровавый пурпур. Их яркая упругость отдана пылающему жерлу сковородки. Там перестанут быть они собой и сплавятся в единое пылающее нечто.

Снаружи мрачное ничто затягивает в бездну.

Какой придурок выдумал войну.

Воздушная тревога за окном. И где-то очень близко прилетело. Звук оглушил и вдрызг разнес все смыслы.

Как страшно.

Мир и двор распались на куски.

И только островок от прежней жизни – плита и центр вселенной – мой обед.

Рыдаю и над луком и над миром.

Картошка с беззащитным белым брюшком, наивная оранжевость моркови, пузатый перец, легионер голландский, недрогнувшей рукой отправлены в клопочущий бульон.

Малютка перец чили внес страсть и темперамент.

А черный перец так похож на порох. И он совсем не черный, а седой. Седой соратник чили, отправляйся вслед за собратом, на-поддай огня.

Два листика с лаврового венка дарят надежду встречи.

И веточка полыни, мой емшан, тихонько шепчет, умоляет, пожалуйста, пожалуйста, вернись ко мне живым.

И в завершение бульк крепчайшей горькой влаги из изморозью тронутой бутылки.

С любовью охлаждали для заздравной, с тоской разлита будет на помин.

Пустое.

Можжевеловая горечь не заглушила горечь расставанья.

Единственный, кто действует логично – это кот. Он прячется от артобстрелов в ванной и диким мявом нас зовет туда. Но мы иначе распорядились последними секундами из тридцати и трех совместных лет. Их тратим на обед, беседу ни о чем, молчание о чем-то самом важном.

Гадали мы, надолго ль расстаёмся.

НЕ УГАДАЛИ МЫ.

ВОЙНА и быт

Война вошла в нашу жизнь в 2014 году. В Харьков хлынул поток беженцев, из Харькова – поток волонтеров с помощью.

А у Лили в Донецке мама и лежачая бабушка. Можно, конечно, и лежачую бабушку привезти, но бабушка очень привязана к собаке, трём котам и огороду. И без них – никуда, делайте что хотите.

А чего тут хотеть? Сборы были быстрыми, муж на переезд согласился, а морскую свинку никто не спрашивал. Собрались, переехали, стали жить дальше.

В подвале устроили для бабушки роскошное ложе, себе оборудовали стол с картами и играми. Главное, не зевать и успеть осколки с огорода убрать, пока бабушка не заметила. Осколки в огороде очень вредили бабушкиному здоровью.

– Как вы? – ору в телефон.

– Нормально! – орёт в ответ Лиля и рассказывает новости по степени важности: про собаку, трёх котов, маму, бабушку, работу, про осколки – с огорода убрали, а тот, что из крыши торчит, уберут, когда будут крышу чинить.

И то правда – всё нормально. Соседям половину крыши снесло, но сами – целы. Так что и у соседей нормально всё.

– Что за странный звук? – ору в трубку. Я тогдашняя еще не умею распознавать обстрелы по звукам. Потом научусь – донецкие и луганские друзья дадут практический мастер-класс. Голосом. Звукоподражанием. Как по звуку определять степень опасности. Сейчас все эти «пиу-пиу» и «бам-бам-баммм» умеет различать каждый ребенок. Каждый ребенок войны.

**Горите в аду те,
кто вынудил детей
этому учиться.**

– Это цикады поют, – орёт Лилька.

Будь проклята война. Время, когда странный звук – это песня цикад, а обстрел – это привычный бытовой фон.

Военный быт. За почти два года Харьков наладил военный быт. Звучит ужасно. Харьковчане научились не просыпаться во время ночных тревог. Многие узнают о налётах из панических сообщений друзей и родственников – тех, что далеко.

– Какой налёт? Сплю я... И кот спит...

Прилёт в мой район, я жила там тридцать лет, ходила по этим улицам, мимо этих домов вот в этот офис... Тут живут мои друзья...

– Как вы???

– Нормально! – голос спокойный, радостный.

У Иры в квартире повылетали все окна и двери, балконной дверью накрыло девяностолетнюю маму. И всего пара царапин. Мама цела, Ира цела, сестра и её двое детей целы. Нормально всё. Новые окна и двери уже заказаны. Как удачно, что офис перешел в эти дни на удалёнку. Детей и маму отвели к друзьям с целыми окнами, а сами выгребают стекольную крошку. И это задача со звёздочкой. Стекло везде. В шкафах, в холодильнике и даже в морозилке. Две хрупкие женщины в четыре руки выгребают стекольную крошку из морозилки, торопятся, работу в удалённом офисе ведь никто не отменял. Бывалые делятся лайфхаками – как быстро очистить дом от осколков.

– Как вы?

– Нормально! – голос спокойный, только слегка усталый.

– Прилёт в жилой дом рядом с нашим офисом. Я там работаю, удаленно. А коллеги реально разгребают завалы, забивают фанерой окна, откапывают компьютеры. Об этом я узнаю между делом. Мы продолжаем работать. Наши клиенты торопят, требуют расходники, и побыстрее. Их бомбят, они работают. Понимаем. На время я одна за весь офис. Импорт, таможня, логистика, отгрузки клиентам, тем, кто круглосуточно производит жизненно важные вещи и при любых обстоятельствах не забывает приходить на работу. Нету пока такого лайфхака – как удаленно работать на производстве.

– О! Нашли твоего дракона! – откопали плюшевого дракончика, он двадцать четыре года простоял рядом с моим монитором, ездил из офиса в офис. Радуются, как дети. Ну, теперь уж точно – нормально.

Организовываю отправку расходников без оплаты. Договариваемся, что оплатят, когда мы откапываем бухгалтерию. Работаем дальше. Коллеги пошли откапывать соседей. Я держусь. Я продержусь. Я хорошо научилась держаться за эти месяцы. У меня много лайфхаков.

Горите в аду те, кто вынудил пользоваться такими лайфхаками.

Горите в аду те, кто затеял эту войну.

А МЫ ВЫСТОИМ. И ПОБЕДИМ.

БАКС

Бакс большой грустноглазый пес, длинная шерсть с колтунами, местами темная, местами линиялая, крупные мягкие лапы, лохматый хвост, вислые уши, такой весь печальный и неприка-янный... Бакс живет в гаражах, уныло обходит длинные гаражные ряды, с надеждой заглядывает в открытые ворота... Баксу везде рады, каж-дый находит для него угощение и доброе слово. Но Бакс глух к словам и равнодушен к еде. Бакс тут не ради пожрать и пообщаться, ему нет дела до гаражной суеты. У него важное дело, он ждёт возвращения хозяина. День клонится к вечеру и пёс преображается, уши торчком, в глазах надежда и радость. Вот еще немножко, еще бук-вально минуточка и машина хозяина выплывет из-за поворота, вот уже слышен знакомый шум мотора. Пёс вскакивает и летит навстречу... Эх, мимо... Но вот следующий автомобиль — это уже точно, точно он, ошибиться ж невозможно, ну ни-как... эх, опять мимо... но вот следующий — точно, наверняка, и по-другому быть не может. Бакс не-сется со всех лап навстречу. Как же он скучал! ... эээх... Хозяин не приехал ни сегодня, ни завтра, ни через месяц, ни через год, ни через пять лет. Глупые гаражные мужики и тётки говорят, что оттуда, куда уехал хозяин, не возвращаются. Как это — не возвращаются? Еще как возвращаются — вы просто не умеете ждать. Уж что-то, а ждать Бакс умел. Всей своей верной собачьей душой он умел ждать, надеяться и верить. И не пугали Бакса ни жара, ни холод, ни снег, ни дождь, всё он сносил терпеливо и стойко, да что там, Бакс просто не замечал ни непогоду, ни времён года. И только одна вещь на свете могла заставить его покинуть пост. Страшная и ужасная гроза. С первыми раскатами грома пёс в ужасе нёсся к ближайшему к гаражам дому, вбегал в крайний подъезд, дожидался лифта, забивался в кабину и сворачивался там беспокойным пуфиком. Если гроза свирепствовала, то пёс выл долго, протяж-но, безнадежно. Не все решались войти в кабину лифта и провести несколько тягучих мгновений в компании с обезумевшим зверем, шли пешком. Но все привыкли, псу сочувствовали, да и не так уж часты грозы в наших краях. Были не так ча-

сты. До конца этой зимы. За пять дней до весны в жизнь Бакса ворвался бесконечный ужас. Гро-за началась в пять утра и не кончалась никогда. Гроза бушевала так, что Бакс не слышал своего воя, и весь дом дрожал и трусился больше чем сам Бакс, а лифт почему-то вообще перестал издавать звуки и шевелиться, спасительная ка-бинка была спрятана в недрах глубокой шахты, а потом гроза закинула ракету прямо в эту шахту, и в мире совсем не стало спасительных безопас-ных местечек. В пятом подъезде умерла жизне-радостная мопсика Баффи. С Баффи всякий раз случался припадок во время грозы, во время очередного раската грома ужас внутри Баффи стал больше самой Баффи. Усталый ветеринар сказал, что сейчас это у мопсов обычное дело. У ветеринара с началом грозы работы прибавилось, он теперь оперирует и гомо сапиенсов, которые теоретически, конечно, относятся к миру животных, а некоторые так вообще скоты порядочные, но зверьков этого вида ветеринару приходится оперировать впервые. Зато сразу в большом количестве. А Баффи помочь не смог. Ну кровотечение остановить он умеет, а остано-вить гром — нет. А Бакс — это вам не малышка Баффи. В Бакса вмещается много ужаса, и ещё больше, и ещё больше. Бакс большой пёс, в него влезает много. А если из большого пса вытрях-нуть веру, надежду и любовь, то влезет ещё больше. И влезло. Бакс весь превратился в ужас.

— Что ты, Баксушка, что ты, милый — гараж-ный мужик принес Баксу миску с едой и водич-ки. Привычным движением потянулся потре-пать бедолагу по загривку... Обезумевший Бакс мертвой хваткой вцепился в руку. И ещё раз. Потом ещё раз.

Странно, но в этом перевернувшимся вверх дном мире скорая помощь продолжает приез-жать очень быстро. Гаражного мужика спасли, руку — нет. Вооруженные люди приехали не-сколько позже.

Бакс наконец-то встретился со своим хозяином.

Маленькая капелька в огромном океане бессмысленных жертв. Круги на воде.

БАЛЛАДА о ледяном вагоне

Магазины не работают, вода и электричество с перебоями, прилёты в дома по соседству.

В местном чате сообщение: откроется магазин, привезут хлеб. Два часа на морозе — стоим в очереди. Низко пролетает самолёт. Очередь разбегается. Кто в сторону леса, кто в сторону домов. Кто-то остаётся стоять на месте, безопасности нет нигде.

Самолет улетел в сторону города. Очередь быстро восстанавливается. Все подавлены.

Покупаем два батона (дают по одному в руки), крупы, макароны, консервы, полки непривычно пусты.

Дома варю суп, и вместе с батонами отношу маме. Себе печем лепешки, мука пока есть.

Соседи сутками сидят в подвале, быстро навели там порядок, обустроили быт, развлечения для детей. Мы не ходим в подвал. Лифт не работает. Лестница — самое опасное место во время налёта. Большая вероятность, что в попытке спастись, окажешься в самое опасное время в самом опасном месте. Сидим дома, на своём последнем этаже и каждой клеточкой ощущаем, что всего лишь чердак и крыша отделяют нас от смертоносного неба. И каждым нейроном понимаем сколько бетона свалится нам головы, если вдруг сверху... И как условно защищают эти две стены, за которыми нужно спрятаться, если вдруг сбюку... А опасность — она везде, со всех сторон. И от нее не спрячешься. Хорошо, что мама не верит в войну и игнорирует действительность.

Это такая адова пытка, точно в аду есть уголок, где под скрежет зубовой, в муках принимают решение. И каким бы оно ни было, оно принесёт страдание.

УЕХАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ.

Мы с мамой уезжаем. Муж остаётся. Вот сейчас поедем. Вот сейчас. Вот только сварю борщ. Под грохот канонады. Большую кастрюлю. Варю. Ну как варю. Руки варят борщ. А мозг совсем не варит. Оказывается, варить борщ может быть условным рефлексом. Моем, чистим, моем, режем, обжариваем, тушим, варим, вот

поплыл аромат, из той, из мирной жизни, когда было из чего готовить, где готовить, для кого готовить, кого ждать с нетерпением, кого вкусно кормить и с кем обсудить, не торопясь, события дня. И котик калачиком на коленках.

Котик, обожающий сидеть во всех сумочках и коробочках, категорически не хочет сидеть в переноске. Но соглашается на рюкзак. Мастерю поводок из строп, резиночек, колечек и карабачиков. Из моей футболки получается отличная футболочка для котика, к ней можно прикрепить стропу с карабинами. Но у котика другое мнение. Котик не хочет футболку и карабин. Котику не нравится поводок. Мужу не нравится вся затея. Говорит, не мучай зверька. Вот, и ещё одно решение принято. Котик остаётся.

Едем на вокзал.

Проезжаем блокпосты.

Видим руины, пустые глазницы окон, шрамы от осколков на стенах домов, видим уцелевшие дома, которые превратятся в руины несколько дней спустя, сейчас я знаю об этом. Видим уцелевшие районы, они целы и сейчас, молюсь, чтоб уцелели, выжили, победили. Родные улицы, вот тут живут мои друзья, тут знакомые, тут совсем не знакомые мне харьковчане. Вот тут как будто и нет войны, только людей меньше, чем обычно.

Вот вокзальная площадь. Тут многолюдно как обычно. Нет, не как обычно. Обычно это место встреч и прощаний.

Сейчас это место прощаний и отчаяния. Концентрат прощаний и отчаяния.

Ужаса, безысходности и тоски.

Боли и страха.

И надежды. НАДЕЖДЫ.

И вот стоим мы с мамой на берегу этого людского океана, и я понимаю, что нам не то, что в вагон войти, нам в вокзал не попасть. Усаживаю маму на скамеечку в переходе (слава нашей складной боевой скамеечке, она нас спасала неоднократно) и бегу в вокзал узнать где-нибудь что-нибудь.

Там много людей, которые сами хотят получить ответы на вопросы, которые я пытаюсь им задать. Зал забит битком. Все стоят, ждут.

Выхожу на привокзальную площадь. Там сотни людей, старики, женщины, дети. Посреди этой толпы стоят трое военных. Три богатыря – недюжинного роста. Тяну одного за рукав, спрашиваю, есть ли надежда попасть в какой-нибудь поезд. Он улыбается, и от этой улыбки становится спокойней на душе, и говорит, что на самом дальнем пути стоит поезд в Тернополь, он скоро отправится, и можно попробовать сесть на него.

Бегу в подземный переход за мамой, но мама вдруг решила остаться тут. Она сама не знает где – тут, в Харькове или тут, в переходе.

И я понимаю, что тут поможет только чудо. И чудо произошло. Нет, не так. Чудо происходило всё время, как будто ангел простер над нами крылья. В этот раз оно явилось в виде юной девушки, в пушистой шапочке и шарфике, она предлагает помочь, и мы идём по бесконечному переходу к поезду. Даша, так зовут спасительницу, несет нашу сумку и ведет светский разговор с мамой, я веду маму под руку, тащу скамеечку и молюсь, чтоб в конце туннеля были свет и поезд. Перед выходом на перрон мама спохватывается, говорит, чтоб мы ехали сами, а она уж как-нибудь здесь. По лестнице с перрона спускаются четыре весёлых хлопца, Даша останавливает их и просит помочь. Хлопцы весело подхватывают маму, сумку и скамеечку, я обнимаю Дашу, ставшую такой родной за эти пару минут, благодарю, и Даша бежит обратно к своим. Счастья тебе, Даша в пушистой шапочке, надеюсь, что у тебя всё в порядке.

Четыре спасителя, посланные небесами и Дашей, быстро возносят нас на перрон. Там действительно стоит поезд. Набитый до отказа. Мы идем вдоль вагонов, маму по-королевски несут на руках и вносят в тамбур вагона, который казался набитым чуть менее плотно, пытаются устроить её в вагоне, но тут мама проявляет решительную твердость остаться в тамбуре, они усаживают маму на скамеечку и желают счастливого пути. Счастья вам, милые хлопцы, надеюсь, вы живы, молюсь, чтобы вы жили. Поезд стоит еще некоторое время, набитый под самую завязку, люди подходят и подходят и, оказывается, если подвинуться и потесниться, место находится.

Через некоторое время тамбур забит до отказа, я мысленно, в который раз, благоговяю скамеечку, на которой сидит моя восьмидесятипятилетняя мама.

Поезд тронулся. На душе стало еще ледяней. Эвакуационный поезд, наверное, его выкатили из каких-то запасов. Это была электричка советских времен, не думала, что они еще сохранились. Сквозь стеклянные двери вагона вижу деревянные сиденья, которые помнят натруженных дачников девяностых, гремящих ведрами, ошетилившихся тяпками и лопатами. Сейчас, как и тогда, сиденья заполнены до отказа, люди стоят тесно во всех проходах.

А мы так же тесно стоим в тамбуре.

**Знаете, сколько душ может ехать в тамбуре?
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ!**

Двадцать две человеческие и две кошачьи. Черно-белый Томас и рыжий Гарфилд похожи как братья. У обоих вид офигевший, глаза широко раскрыты, они явно не одобряют тот бардак, что мы тут устроили, но ведут себя сдержанно и пристойно.

Женщина средних лет рядом со мной внезапно бледнеет, а потом зеленеет, я понятия не имею, что происходит, и как ей помочь, но руки сами, отдельно от меня, выхватывают из кармана пакет, быстро разворачивают и подносят к лицу женщины. Её обильно тошнит в пакет, и она медленно оседает. Казалось, что мы стоим так плотно, что упасть невозможно, но мы хватаем ее в несколько рук и проталкиваем в вагон, там ее принимают, усаживают, дают воды. Женщина молчит, лицо ничего не выражает, она явно не понимает, где она и что с ней происходит. Невесть откуда появляется аппарат для измерения давления, судя по лицам окружающих – дело плохо. Откуда-то возникает дама, и хотя на ней не белый халат, а красное пальто, по уверенным движениям и строго-участливому выражению лица ясно, что она врач. Даёт зелёной пациентке таблетки. Женщине быстро легчает, и она становится обычного землистого тревожного оттенка – как все мы.

Мы еще не покинули Харьков, а дорожные приключения уже начались.

Еще недавно мы думали, что может быть хуже, чем ехать в никуда в ледяном тамбуре. Но соглашаемся, что ехать в никуда в ледяном тамбуре покрытыми рвотой было бы куда как хуже. И что хорошо и плохо вещи – относительные. И завязывается вполне обычный вагонный разговор. Кто – откуда – куда.

Все едут в никуда, и только хозяйка Гарфилда едет в Краков, там её уже ждёт работа. Она – преподаватель латыни. Преподаватель мёртвого языка легка, тонка, юна. Собралась быстро, похватила всё самое необходимое. Самое необходимое – это собственно Гарфилд, ноутбук и всё остальное пространство изящного рюкзака забито косметикой. Двое подростков ведут себя как двое подростков. Они комментируют события, мерзко ржут, сидят на ледяной ступеньке, из дверей нещадно дует, им пофиг, а маме их – нет, но они упорно игнорируют мать. Мать волнуется. Впервые в жизни я понимаю смысл слова «волноваться». Ее лицо идет волнами, искажая черты. Ещё чуть-чуть – и она тоже хлопнется в обморок. Тяну ее за рукав и говорю, что дети есть дети, она нужна им, чтоб довести до безопасного места и там убить собственными руками. Мой черный юмор срабатывает, она грустно улыбается, и маленькие засранцы через несколько минут сами выбирают в чуть более теплое место тамбура.

Внушительных размеров тётка в развесистых юбках бурчит и истово крестится. Она, оказывается, тоже не в никуда, а вполне в конкретное место – в Полтаву, в монастырь, на молебен. Война, а что война, суета это всё, и мы тут все в суете, вот и наказал нас Господь, а ей, благочестивой, страдать с нами за грехи наши, ездим туда-сюда, отвлекаем от дел праведных. Мысленно сочувствую сёстрам, у них сейчас, небось, работы невпроворот, принимают беженцев. До Полтавы всего три часа от Харькова, весь тамбур ждёт с нетерпением, когда она выйдет и освободит целых два места.

На ледяной ступеньке другой стороны тамбура сидит без движения африканец в лёгкой курточке. Соседи пытаются спросить, всё ли с ним в порядке. Он не понимает, препода-

вательница латыни повторяет вопрос на живом английском. Парень говорит, что всё окей. Он студент, зовут Эванс. И это – единственная фраза, которую он произносит за двадцать семь часов пути. И – единственное имя, которое осталось в памяти из тех ледяных суток. Кроме Томаса и Гарфилда, разумеется, но эти имена захочешь, не забудешь.

Всё окей, Эванс, надеюсь, у тебя всё окей, сын жаркого континента.

Вот, наконец, Полтава. Радостно прощаемся с богомолкой. Она грузно спускается по ступенькам на перрон. И вдруг оглушительно звучит воздушная тревога. Тётка мгновенно меняет траекторию и пулей влетает обратно в тамбур со всеми своими юбками, молитвами и баулом. А кто-то уже успел с облегчением перекреститься. Тётка быстро смахивает подростков с нагретого места и бурчит, что полно на свете мест, где можно помолиться, совсем не обязательно в Полтаве.

Студент-ветеринар, их вуз и общага в пригороде, и этот пригород бомбили нещадно с первых дней. Преподаватели, пусть и ветеринарные, но врачи, оказывали помощь пострадавшим. Человеки, они ведь тоже имеют отношение к миру животных. Зато, говорит, сбывлись две мечты сразу: ассистировал на операции и жил один в комнате. Правда, без стёкол. И долго откапывать пришлось, но зато потом – полный хозяин почти дворца. Хоть конём скачи.

Студент-биолог. Сначала был дома, в Чугуеве. Вроде как было безопасней, чем в Харькове, пока в огород ракета не прилетела. Оккупированную часть прошел пешком, ночью. Боятся оккупанты ночью в наши леса соваться.

Строитель. Дюжий мужик. Патлат, бородат. Говорит, везде работу найдёт, всё по строительству умеет от и до, всеми инструментами владеет. А оружие в руки взять не может.

Женщина лет пятидесяти, одна на весь тамбур с чемоданом, в пончо и в шляпке, выглядит бабочкой. Она сидит у дверей в вагон со стороны тамбура, потом оказывается тоже у дверей, но уже со стороны вагона, потом перемещается на своём тропическом чемодане всё дальше и исчезает из виду.

А всего в нашем тамбуре три двери. Третья – туалет. И это наша проблема. Два вагона ходят в этот туалет и нам приходится сжиматься еще теснее, чтобы пропустить страждущих. Но это повод сменить позу. Всё тело затекает. Затекает так, что холод уже и не чувствуется. Меняемся местами – если прислониться к стене, то можно поспать. А еще можно протиснуться в вагон и погреться.

За 27 часов пути никто из нашего тамбура не ходил в туалет.

А в каждом вагоне появилось по завсегда-таю. Старушка из одного вагона – ей нужно было буквально каждые полчаса и огромная бабища с девочкой лет четырех – из другого. Старушка, похоже и не сидела вовсе, весь цикл занимал много времени, она беседовала с каждым на пути туда и обратно, и с каждым пыталась находить общих знакомых, и даже находила, и искренне радовалась, но пока добиралась до своего места, мочевой пузырь звал ее на новый виток поиска общих знакомых. Бабища была шумной, её было слышно на все два вагона, она несколько раз сменила место на более удобное и её муж, краснея как Альхен, безмолвной покорной тенью следовал за ней. Девочку непрерывно кормили, поили и носили писать. Каждый час.

– Я с ребенком, – шумно оповещала весь поезд и окрестные степи бабища и пробиралась к выходу, неся дочку над головой, – а ну, расступись, – командовала нашему тамбуру. – Я с ребенком!

Мама, похоже, не чувствует холода на своей скамеечке. Несколько раз всем тамбуром предлагаем ей переместиться в тёплый вагон, но мама твёрдо стоит на своём:

– Как все, так и я.

Но ближе к вечеру мамочка явно стала уставать и подмерзать, да и аудитория тамбура ей наскучила. Пользуюсь моментом, беру маму в охапку, втягиваю в вагон и прошу потесниться. Место находится, мама, совсем чуть-чуть сопротивляется и совсем немного возмущается – в кого это я пошла такая наглая и невоспитанная – и устраивается на деревянном сидении. Оно сейчас мягче пуховой перины. И вокруг – свежая аудитория, не такая отмороженная и готовая вежливо восхищаться. Красота!

Хозяйка Томаса тоже находит себе место в вагоне – рядом с двумя милыми пирсингованными девицами. На коленях у каждой – маленькая переноска, в каждой переноске – крыска. Крыски непрерывно занимаются благоустройством своих маленьких миров, не ведая, какая хрень творится в большом.

На редких станциях люди выходят, никто не входит в наш безымянный поезд, становится чуть свободнее.

Мы бодримся, поддерживаем друг друга, больше молчим. Думы тягостны, родной Харьков всё дальше, все мысли ещё там, обрываются одна за одной, тянутся по обледеневшим шпалам белесыми обрывками нервов. Боль, страх, тоска, неизвестность.

Богомольная тётушка говорит мне, что мама уже согрелась и отдохнула, пора делать рокировку. Я не сразу поняла, чего хочет от меня божий одуван. Преподавательница латыни по толмацкой привычке тут же уточняет у тётки:

— То есть, вы хотите, чтобы старую женщину подняли, а вас усадили на ее место? А почему вы не хотите сесть на какое-нибудь другое место?

Не хочет. Остается сидеть в холодном тамбуре на мамином стульчике.

В Житомире в тамбуре из мрака ночи возникает бойкая дивчина.

— Девчата, вот держите, — даёт несколько пакетов. — А это мамкам передайте.

В пакетах еда, вода, — мамкам памперсы, влажные салфетки и баночки с детским питанием. Дивчина растворяется во мраке, так же внезапно, как и появилось, только слышно, как они с подругами зычно делят между собой вагоны. Еда – изумительные домашние пирожки и булочки! Тамбур наполняется запахом домашней выпечки и ванили. Берем по пирожку, отдаём пакеты в вагон. Есть не хочется, но на душе становится теплей.

Спасибо тебе, дивчина из Житомира, пусть у тебя будет всё хорошо.

Сколько вас, таких дивчин, варили-жарили-пекли. Ты и твои подруги прибежали ночью на вокзал встречать безымянные поезда-призраки, чтобы накормить домашней едой за-

мерзших странников и пополнить мамкам стратегические запасы памперсов и пюрешек. Счастья тебе, дивчина из Житомира, мы всем тамбуром надеемся, что у тебя и твоих подруг всё хорошо. Странно, младенцы практически не плачут. Они еще не знают, что мир, в который они пришли для счастья, пошел трещинами и стремительно разлетается. Но если мама рядом, то рядом тепло и любовь. А с мамой, с теплом и с любовью и на осколке мира уютно и спокойно. Даже если мама порой ведет себя странно. Но мама быстро берет себя в руки, ей этими руками держать и мир и дитя, а потери она оплачет потом.

Все мы оплачем потери как-нибудь потом, после войны. А пока мы несемся в ледяном вагоне с ледяными телами, и слезами. Слезы вмёрзли в душу и остаются там надолго.

Телефоны включаем на краткий миг, сообщить, что мы живы и с нами всё в порядке. И быстро выключаем, чтоб наш поезд не вычислили по многочисленным сигналам враги. В вагонах темно, никаких световых пятен. Рассвет не приносит облегчения. Мы замерзли и смертельно устали. Мы почти не спали этой ночью, да и все ночи с начала войны, мы еще не умеем спать под взрывы и сирены. Этот навык обретем гораздо позже. А пока мы просто едем. Мы не хотим здесь находиться, мы не хотим быстрее доехать. Мы настолько устали, что нет сил хотеть.

**ВСЁ, ЧТО МЫ ЗНАЛИ И ЛЮБИЛИ,
ОСТАЛОСЬ ПОЗАДИ,
ВПЕРЕДИ ПОЛНАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ.**

Талант может найти людей, которые видят мир как и ты, а гений обречен быть одиноким.

Мне так кажется.

Такие странные **УКРАИНКИ**

Так странно перенестись из раздираемого взрывами Харькова в это тихое сонное место. Сады, цветы, неспешность. Деревня среди полей. Названия улиц – как будто попала в сказку про Незнайку, и теперь живешь в Цветочном городе. Идешь по Азалиевой, сворачиваешь на Фиалковую, пересекаешь Гиацинтовую, Жасминовую, Ландышевую, Лавандовую и вот ты уже на Вересковой, отсюда и до Можжевеловой рукой подать. Улицы выглядят так, как называются, и среди этой тишины кажется, что нет никакой войны и не может быть. В самом деле, разве может быть война на Ландышевой? Ещё как может! Местные очень хорошо помнят ужасы оккупации, и как деревня переходила из рук в руки, и как больше сотни лет страны и на карте не было, а граница между Германской и Российской империями проходила прямо по деревне. Одна деревня – две страны. И ни одна из них – не Польша.

Но и сейчас тишину нередко нарушает рокот самолётов – рядом с деревней расположена база НАТО. Гарант безопасности и внезапных звуков. Для местных это фоновые звуки, знак, что броня крепка и всё идёт по плану. Для нас это звуки войны, разрушений смерти. Пройдёт немало времени, прежде чем мы начнём привыкать к звукам. Воспоминания будут волочиться за нами всегда, оставляя кровавый след в душе.

Вот опять – внезапный вой сирены. Вздрагиваю.

– Вы, украинки, иногда такие странные, – говорит моя собеседница пани Иоланда, – ты вот вздрогнула, а некоторые вообще падают на землю и закрывают голову руками.

– И я бы падала, но в Харькове в этом смысла не было, у нас сирена выла, когда уже всё произошло. Слишком близко мы к границе, – поддерживаю светскую беседу на своём корявом польском.

– Война – это страшно, – вздыхает пани Иоланда.

– Да, – только и могу выдохнуть. Мне не хватает польских слов, чтобы высказать, насколько это страшно. Мне не хватает всех слов всех языков. Какое это изнуряющее, испепеляющее, уничтожающее чувство.

Как сначала радуешься, что выжила. А потом понимаешь, что не полностью. Часть души похоронена там, среди руин любимого города. Вроде живешь, работаешь, но не очень понимаешь – зачем. Наполняешь день под завязку, много работы, много учебы, новые языки, много разговоров с теми, кто там, но чувствуешь лишь бессилие и никчемность. А дыра в душе болит и кровоточит.

МЫ ЗАСТРЯЛИ В ВЕЧНОМ ФЕВРАЛЕ.

В этой деревне нас, странных украинок, несколько. Поддерживаем друг друга, вместе грустим, вместе учим польский.

– Хватит тухлить, – решительно говорит Инна. Решительности Инне не занимать, она под обстрелом вывезла сына, двух собак и беременную соседку. – Давайте мой день рождения отметим.

День рождения!

А мы и забыли, что это такое.

Вечный февраль – какое тут рождение?

Уныло едем в город. За подарком. Я, дизайнер Надя и фотограф Со-
нечка. Паркуемся, плетемся в торговый центр. Входим. И – застываем на
месте. Все торговые центры во всех странах выглядят похоже. И люди в
них выглядят похоже – идут по своим делам за покупками. Лица сосре-
доченные, будничные. И мы физически ощутили, что оставили свою войну
там, за порогом. Впервые за все эти месяцы.

**Тут просто жизнь, будничная и такая
невероятно счастливая, здесь нет войны.**

КАКОЕ ЭТО СЧАСТЬЕ.

Мы идём и занимаемся самым мирным девичьим делом – ищем по-
дарок. Мы даже не знаем, что любит Инна. Мы знаем, Инна любит свой
покинутый дом. В Буче. Мы не можем вернуть ту жизнь ни ей, ни себе, и
не сможем никогда. Но мы впервые не думаем об этом, мы ищем пода-
рок. Подарок – он для радости, а мы забыли, что это, и сейчас пытаемся
вернуть друг другу это чувство. Хоть на миг. Перетекаем из магазина в
магазин, размышляем, что может порадовать Инну. Трудная задача, нас
самих не радует ничего. Фальшиво блестят украшения, равнодушно ис-
крится косметика, рыбьими взглядами пялятся манекены. Всё, что рань-
ше привлекло бы, теперь уныло и ненужно. Но потихоньку игра «порадуй
подружку» начинает нас затягивать. Ходим и представляем себе Инну вот
в этих серёжках, вот в этом браслете, вот с этой сумочкой. Или вот с этой?
Вот в этой шапочке? Уже начали хихикать. На третьем круге продавцы
стали узнавать нас и хихикать вместе с нами.

*Да, эти украинки – они немного странные,
но такие смешливые.*

Выкатываемся из магазина с шикарной коробкой и идём за красивым
подарочным пакетом. Праздник – так уж праздник, переглянувшись, бе-
рем флажки, дудочки и колпачки.

Был тихий поздний вечер, все вечера в нашей деревне – тихие. Тиши-
ну нарушают только сирены и самолёты НАТО. Но сейчас соседи Инны,
жители Цветочного переулка, наблюдают странное зрелище. Эти стран-
ные украинки, хихикая, надевают колпачки, и вот уже по переулку, по-
свистывая и размахивая флажками, идут Зая, Панда и Котя. На пороге,
уперев руки в боки, их встречает Инна с грозным вопросом: «А мне?!» По-
лучив свой праздничный инвентарь, она отправляет нас на второй дубль.
Ошалевшие от происходящего соседи глядят из-за занавесок, как на бис
проходят по переулку хихикающие Котя, Зая и Панда. На пороге их ждёт
хохочущая Жаба с флажком и свистком.

Нет, всё-таки права пани Иоланда.

Мы, украинки, такие странные.

СУПЕРБАВОВНА

...А туалетную бумагу назвали
«Супербавовна».

И на этикетке – пылающая башня кремля.
Говорят, именно эта башня потом и горела.
Не иначе – от хлопка.
А может быть – от хлопкА?

*Знаете, кто такие украинские волонтеры?
Это элита Украины, самое благородное
сословие, душа, честь, гордость, опора и
кислород страны.*

Война терзает Украину уже десять лет, десять лет народ Украины защищает своё право на свободу и независимость. И волонтеры на этой войне — армия без оружия, бойцы невидимого фронта.

Они — отряды быстрого реагирования, всегда знают, что именно вот в этот самый момент нужно нашим бойцам на фронте. Они вывозят мирных жителей из прифронтовых территорий под огнём, рискуя жизнью. Они помогают тем, кто остался. Заботятся о домашних животных, потерявших хозяев. Организуют производство, собирают и ремонтируют дроны. Ремонтируют специальную технику. Комплектуют аптечки не из того, что есть, а из того, что реально спасает жизнь. Плетут сети. Шьют носки. Сушат мясо, овощи, фрукты и изобретают из этих сушек рецепты домашней кухни. Залил кипятком — и вот тебе, боец, мамин борщ, а вот жаркое — от которого на душе тепло, а врагам будет жарко и совсем не так уютно. Пекут хлеб.

При свете свечей в холодных домах делают окопные свечи — чтобы было светлее и теплее там, на нуле. Находят обмундирование. Бронники — бронжилеты, которые не только защищают, но и позволяют активно воевать, потому как анатомичны и легче на несколько килограмм. Автомобили, которые умеют ездить по дорогам и бездорожью и ремонт в полевых условиях, потому как всё-таки больше по бездорожью.

Если все волонтерские пути нанести на карту, то она покроется густой сеточкой пунктиров.

Вот в этих странах волонтеры находят и покупают автомобили для фронта — те, что нужны, — вот через эти страны другие волонтеры перегоняют их в Украину, попутно загружая по самую крышу нужными вещами. А вот этот пунктир идёт по растерзанной Украине в самое пекло. Туда и черти бояться сунуться, в аду, небось, попрохладней. А волонтеры — ребята закаленные, не боятся ни огня передовой, ни льда чиновничьего равнодушия.

У каждого из них — куча страшных, смешных, грустных, ужасных и прекрасных историй. Слушаешь, и трудно поверить, что все эти события произошли с одним человеком за одну войну — и он пережил это всё, жив и полон идей.

Мои друзья волонтеры заезжают ко мне, в маленькую польскую деревню, по дороге на фронт из Голландии. Там другие волонтеры, на собранные всем миром средства, купили автомобиль для наших бойцов.

Друзья усталые, изможденные, позади тысячи километров по обледенелым дорогам. У них всего несколько часов на сон, график очень плотный. И, конечно же, мы засиживаемся почти до утра, смеемся, плачем, вспоминаем. Прошу рассказать про какого-нибудь невероятного волонтера. Знаю, что задаю трудную задачу. Волонтерство само по себе предполагает невероятность, ожидаю, что они задумаются. Сотни достойнейших, судьбы одна другой удивительнее, сотни историй героических, драматических, трагических — каждая из них, будь она изложена в романе, была бы сочтена выдумкой автора, а в жизни так не бывает, ну не может столько приключений выпасть на одну голову. А они даже не запнулись — закричали в один голос:

— Пан Олександр и его бавовна (по-украински — хлопок).

Рассказ звучит настолько сказочно и невероятно, что я всё время переспрашиваю и уточняю.

Времени мало, они предлагают задавать все вопросы самому пану Олександру.

Мы успеваем рассказать друг-другу много историй, решить пару вопросов, обсудить горящие рабочие дела, детей, жён, мужей, котов, как быстро летит время, когда встречаешься с друзьями!

Обнимаемся, они торопятся, машину нужно доставить в срок туда, где её ждут, где она жизненно необходима для борьбы за свободу.

А я набираю номер пана Олександра, волнуясь, понимаю, что у человек дела, времени на разговоры крайне мало.

Волонтерит пан Олександр одиннадцатый год, с самого начала войны. Уже тогда занимался организацией многих процессов. Он — один из тех, кто сделал волонтерское движение системным. Ведь мало знать о потребностях

бойцов и жителей оккупированных территорий, нужно молниеносно найти это, собрать, доставить. И у него получилось. А еще у него получилось организовать семейные соревнования и конкурсы — новое слово в волонтерстве! Главное — нестандартный подход! Например, футбольная команда, по его задумке, состояла из детей, родителей и учителей. И сумел же провести эти соревнования в разных городах Украины! А это тренировки и проезд, координация игроков и тренеров, договоры с местными властями и призы для каждого участника. И ему это удавалось! Рассказывает легко, как о само собой разумеющемся.

С началом полномасштабной войны пан Олександр сконцентрировал усилия на ускорении победы Украины. Сыновья его воюют, так что о нуждах наших защитников он знает как никто другой. А нужны самые разные вещи, очень разные, в том числе и туалетная бумага, куда же без нее. Простая, казалось бы вещь, да? Закупили, добавили в комплект к прочимностям и отправили бойцам на фронт. Да, но это слишком просто. Но пан Олександр решил, что даже туалетная бумага, кроме своей основной, сугубо прозаической функции, могла бы выполнять ещё парочку. Скажем, повышать боевой дух и вызывать улыбку. В трудное время каждый выполняет несколько задач одновременно, вот пусть и бумага выполняет. Для начала, решил пан Олександр, неплохо бы было освободить публичные и личные библиотеки граждан от произведений малопопулярных ныне политических деятелей советского минувшего и прочих классиков марксизма-ленинизма.

Сказано — сделано. Пан Олександр сокрушается, что только четыре области приняли участие в этом сборе макулатуры. Целых четыре, пан Олександр, целых четыре — вы невероятны! Организовать такой сбор в воюющей стране — аж в четырех областях! И заставить классиков марксизма-ленинизма пусть вот в таком виде — но принять участие в борьбе за свободу и независимость — это дорогого стоит. И вот четыре области — Киевская, Львовская, Житомирская и Харьковская собрали литературу, которая наконец-то вот-вот станет полезной. Пан Олександр организовал доставку сокровищ в древний го-

род Жидачов, помнящий Магдебургское право, славный чудотворной иконой Богородицы Воплощения и картонно-бумажным комбинатом, который, в отличие от многих других, умеет перерабатывать книги. А в другом городе, в Самборе, произвели из этого сырья собственно туалетную бумагу.

Конечно же, для продукта с таким богатым внутренним миром нужна была соответствующая этикетка.

Пан Олександр нашел в Ровно специалистов, которые изготовили клише. А в Калуше нашлась типография, которая отпечатала тираж этикеток.

Итак, пан Олександр объединил четыре области в сборе сырья и четыре города в изготовлении готового продукта. Как вам такая логистика?

Стратегический продукт обрёл лицо и имя. И имя это – Супербавовна.

Тут нужно пояснить значение некоторых слов.

Начав войну в XXI веке в самом центре Европы, агрессивное государство стыдливо назвало ее военной операцией. Специальной. Ну, дальше пошло-поехало словоблудное словотворчество с дьявольскими метафорами и смысловыми подменами. Геноцид стали называть освобождением, убийство – защитой русскоязычного населения, а взрывы – хлопками. Ну, когда говорят – еще может быть, можно понять этот Эзопов язык, а когда пишут, то вообще не ясно – при чем тут хлопОк. Или хлОпок? Кстати, хлОпок по-украински – бавОвна.

А туалетную бумагу называли «Супербавовна». И на этикетке – пылающая башня кремля. Говорят, именно эта башня потом и горела. Не иначе – от хлОпка. А может быть – от хлопкА?

Так что теперь Супербавовна входит в подарочный набор защитников Украины. Классики марксизма-ленинизма наконец-то принимают активное участие в борьбе за свободу и независимость. Или, по крайней мере, укрепляют боевой дух тех, кто с оружием в руках отстаивает нашу свободу и независимость. И уж точно, никогда этим классиком не удавалось вызывать столько взрывов. Взрывов хохота на передовой.

Спрашиваю у пана Олександра – а как сама идея в голову пришла?

— Это же очевидно, — говорит пан Олександр, — с одной стороны старое должно уступить новому, и книги эти нужны теперь только историкам. А место в библиотеках и домах занимают — не жечь же их, жечь книги грешно и бесхозяйственно. А значит что? Должны приносить пользу.

Так что, если у вас в домашней библиотеке пылятся без дела материалы каких-нибудь съездов КПСС или труды всяческих классиков марксизма-ленинизма, или знакомы с библиотекой, которая изнашивает под тяжестью стеллажей с неактуальной литературой — вы теперь знаете способ сделать этот балласт полезным и актуальным.

А у пана Олександра всегда есть еще тысяча и один способ помочь нашим бойцам. Он знает, что нужно прямо сейчас для того, чтобы они выстояли и победили.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Сон разума породил чудовищ.

Самое ужасное – что я уже многое из этого пережила, а многое слышала от очевидцев... История повторяется. А не должна.

И у меня в глубине души всякие сомнения и опасения и страх и прочие демоны.

Но - лучше со всеми этими демонами идти, чем стоять.

| СЛОВО ДРУЗЬЯМ

*Откуда ты берёшь тепло
В ладонях ласковых неспешных?
Чтоб греть им мир врагам назло
И прикасаться к безутешным.*

София Шевякова

Эмилия Песочина

ДОБЫЧА

Памяти ушедших поэтов посвящается

Возвращаться с добычею со стихотворных полей,
Уловить на лету белокрылую тёплую рифму,
Чтоб её заточить навсегда в чернбуквенной мгле,
Заклячая в размер и строфу, как в тюремную призму.

Посадить на строку, как на цепь. Как на привязь — щенка.
Словно птицу щегла — в крепко сбитую клетку катрена.
Так и жить ей отныне — без солнышка и ветерка,
Как царевне — в хрустальном гробу безысходного плена.

Приколоть на булавку, пронзить остриём концевым —
Пусть трепещет, как бабочка, бьётся, стремится сорваться!
А досель полонянка жила только небом одним.
Нынче можно зато раритетную штучкою хвастать!

Отпустите её на свободу, на вольную жизнь!
А иначе умрёт, словно дикий зверёк в зоопарке.
Что-то белое ночь напролёт надо мною кружит.
Может, пёрышки рифм,
Может, пишущих душ аватарки.

Ульяна, Москва

*«Corrina, Corrina»
by Bob Dylan*

Здравствуй, Карина, Карина.
Я знаю, где ты и как долго...
Нам прошлого не отринуть,
Другие пусть смотрят волком.
Пускай другие решают,
Кто белый из нас, кто черный,
Ведь разница небольшая:
В том лишь — насколько скоро...
Пусть каждый из нас напуган,
Пусть между нами границы,
Обнимемся же, подруга,
Обнимемся же, сестрица!
Так уж устроены люди:
Кости да мясо под кожей.
Пусть с нами будет что будет,
Главное — делать что должно.

Валерия Садковская

В хмельном немного мареве сирени,
В весеннем Харькове без взрывов, без окон,
Мы не разделим счастья час вечерний...
Уже не в этом мире, может быть, в ином.

Мы будем громко, всех перебивая,
О первых днях войны азартно говорить.
И слезы, что теперь так близко к краю,
Чтоб тушь не потекла, назло не станем лить.

Влюбленные на лавочках притихли,
В разбитых окнах гам и птичья кутерьма.
Новеллы б сочинила, пьесу, стих ли?
Ах, ненасытна ты, военная зима...

Нездешняя, волшебница... земная?
Дано так много было, времени — в обрез...
Эльфийка, мавка вечно молодая,
Твой силуэт в палитре города исчез...

Элина, Астана

Я накрашу губы красным. В твою честь.
Да, тебе это не нужно. Это мне.
Чтобы помнить, что искриться нужно здесь.
Ты умела — и на воле, и в тюрьме.

Красным губы я накрашу. Понесу
Себя яркую и злую, как чума.
Ногой левой над обрывом, на весу.
Правой — крепко на земле. А голова

Где-то между высотой и дырой,
От которой все равно спасенья нет.
Твой теперь, пожалуй, голубой?
Я реву и крашу губы в красный цвет.

Юрий Черноусько

Гляди, как бесится метель,
скребётся в запертые двери,
стремясь вползти в любую щель.
Но ничего. По крайней мере,
внутри тепло. И тишина.
И если вдуматься, по сути,
такая жизнь не лишена
уюта. Красный столбик ртути
пропал. Становится слюдой
звук под дыханием мороза.
Шаг каждый — долгою верстой,
и в каждом шорохе — угроза.

Скажи, что это всё пройдёт,
уже теплее станет вскоре.
Что начался уже отсчёт
к весне. О зимнем форс-мажоре
мы вспомним как-нибудь без зла,
с улыбкой грустной — но без дрожи.
Зима повыла и прошла.
А мы? Мы сделались моложе.
Мы стали проще и сильнее,
смелей, великодушной, легче.
Прошла. Не станем же о ней
сегодня — как-нибудь при встрече.

| ТРИ ГОДА –
ЭТО МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ

*М-дааа
История...
Если напишешь - то точно скажут, что
придумал, и в жизни такого не бывает...*

| Яков Наерман

МОЙ ПЕРВЫЙ РЕДАКТОР

*Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
Отправляться и нам по следам по её по горячим.*

Булат Окуджава

Первый учитель, первый тренер, первый поцелуй, первая работа... Они — наши вехи, мы их помним и чтим. У каждого из нас есть несколько таких вех, которые повлияли на нашу жизнь. Обычно такие «первые» встречи заканчиваются к тридцати годам. У меня же одна из самых значительных таких вех (milestone) случилась на восьмом десятке, когда я встретил первого редактора своих писательских потуг — Карину Исакаеву.

Познакомились мы на курсах Быкова. По русскому языку я выше четвёрки с минусом никогда не поднимался. А за тридцать лет жизни в Америке мой язык не только изрядно заржавел, но и пропитался американизмами... Поэтому мне был необходим не просто корректор, а редактор, который будет исправлять мои ляпсы. Да и писательством я никогда не занимался, так что прежде чем выставлять что-то на публику, мне был необходим литературный ОТК. Я обратился в чат, и Карина отозвалась:

— Думаю эту мысль. У меня есть два знакомых хороших редактора. Украинская не будет редактировать текст на русском — даже антивоенный. А русская не хочет заниматься редактированием в принципе. Поговорю с обеими — а вдруг! И сама почитаю, вычитаю и дам фидбэк — само собой.

А потом она прислала мне исправления и комментарии по моему рассказу. Блеск!

Я тут же сказал, что если она согласна стать моим редактором, поиски можно прекратить — лучшего мне не найти. В ответ получил лаконичное:

— Я согласна. Когда начнём?

Так Карина стала моим первым и, как я полагаю (учитывая мой и её возраст), последним редактором. Кто ж знал, что на 74-м году я буду писать о ней посмертное.

И до неё на мои фейсбучные посты жена и друзья говорили, что получается неплохо: «Пиши ещё!». Но только Карина смогла убедить меня перестать стесняться своих рассказов и начать откликаться на слово «писатель». Она могла быть весьма критичной, но именно после её слов: «Помнишь, в школе “Онегина” называли энциклопедией русской жизни? Так вот, твои рассказы — энциклопедия советской жизни...» — я решил собирать и издавать сборник. Она с энтузиазмом поддержала эту идею и вызвалась быть редактором всего сборника. Не успела... Но большинство рассказов прошло через Каринины руки, и — без кокетства — её комментарии, на мой взгляд, часто были ценнее самих рассказов.

Редакторы первых двух выпусков «Иглы» были именитыми, но работать с ними было не просто. И когда стали искать нового редактора для третьего выпуска, я предложил Карину. Сослался на свой опыт. Убедил не без труда: формального опыта редактирования у неё не было. Но после завершения работы над третьим выпуском ни у кого не осталось вопросов о поиске какой-либо замены: Карина стала нашим незаменимым главным редактором до своих последних дней. Она очень любила эту свою деятельность. За пару недель до смерти она писала: «Сегодня — день просветления) Боль попустила, и стараюсь сделать побольше для шестого выпуска. А когда я на “Игле” — мне всегда ещё больше легче... Так что — сию на “Игле”))».

После смерти Карины я потратил несколько дней, собирая и компилируя нашу переписку — по имейлу, в Телеграме, а также её комментарии к моим рассказам. Набралось около 60 страниц. Всё наше знакомство длилось менее трёх лет. Но, перечитывая нашу переписку и её комментарии, я вдруг осознал, что с её уходом потерял одного из самых близких мне людей на этой планете.

Человека, с которым я обсуждал не только свои литературные потуги или рабочие вопросы, но и советовался о воспитании внуков, делился моментами, когда у меня был депресняк, говорил об эмоциях от поездок, обсуждал вопросы религии, философии и смысла жизни.

Пожалуй, после потери родителей я впервые почувствовал, что ещё раз осиротел.

Я несколько дней раздумывал, что и как писать о Карине. А потом вдруг меня осенило: лучше неё самой никто не скажет. А у меня есть уникальный материал — десятки посланий и комментариев. Выбирать, что оставить для выпуска, было ох как непросто: «взятку снёс — без взятки остался». Я постарался откинуть всё, что касалось именно моих рассказов. И, перечитывая все эти «каринки», снова испытывал ту же радость от общения с этим удивительным человеком, что и тогда, когда читал их впервые. Надеюсь, часть этой радости испытаете и вы.

«Каринки»

● *Яша! с кавычками - у всех закавычки, из всех правил это одно из самых дурацких. Хуже - только тире. Эти длинные, средние, и короткие тире кого угодно с ума сведут. И ещё история с буквой Ё. То пошли все в атаку - даёшь точки над Ё. А теперь некоторые издательства, оказывается, требуют, чтобы рукопись была без точек. Но это всё издательские заморочки, к правилам русского языка отношение косвенное.*

И если все герои заговорят на классическом русском, то будут довольны только корректоры. А читатели разбегутся.

● *Что поделаешь, времена наступили жестокие и безжалостные, и нам нужно жить во всём вот этом, чтобы не сходить с ума и сохранять трудоспособность нам нужно уметь перезагружаться и нужно уметь быть счастливыми сейчас еще более чем когда-либо. Мы нужны нашим детям и внукам в своём уме и деятельными. Ну - и мы еще не дописали наши книги.*

● *Твоё писательство обрело целенаправленное звучание в тот момент, как ты начал писать. Это вообще очевидная вещь. Писательство - это дар, он либо есть, либо его нет. Просто когда он есть, ты воспринимаешь его как воздух, как само собой разумеющееся. Но текст - продукт дара, его нужно отпускать, он живет, когда его читают. Количество читателей вообще не имеет значения - это будет один Миша, или еще миллион. Дай тексту шанс, не предавай свой дар, делись с читателями)) Я так думаю. И я в этом уверена. И буду рада, если хоть как то полезна на этом пути - от писателя - к читателям.*

- *Торопиться - надо) Писать надо каждый день... я себе в дневничок написала))) Это самое сложное)). Перейти из режима - пишется в удовольствие и это просто удовольствие, в рабочий режим - сегодня не пишется хорошо, пиши плохо, но пиши...*

И чтоб не в ущерб семье, и не в ущерб близким, и не выпасть из жизни - короче, Яша, покой нам только снится, бережем здоровье - на все задачи нам понадобится дофигища его!

Покой семьи и близких - на первом месте, и на втором, и на третьем - тоже. Хоть Быков и говорил, что настоящий писатель на первое место ставит творчество. Я и тогда подумала - не быть мне настоящим писателем.

- *Научные труды прочтут несколько историков - специалистов. Твои рассказы - прочтут миллионы, они интересные. А истина входит в храм разума вратами чувств.*

- *В датском королевстве все в беготне и суетне. Жизнь так крутит, как будто наблюдаю за ней из люминатора стиральной машины.*

- *Сложить отдельно - и добрасывать туда идеи - вот прямо кусочек, абзац, одно предложение - всё туда складывать... Пусть всходит и колосится идея)*

- *Ну, ты же не считаешь самовосхвалением - когда готовишь и угощаешь гостей? А чем писательство отличается? Написал - опубликовал. Нормальный писательский процесс. Писать в стол - это как готовить в холодильник. Когда-то это всё надо достать и из холодильника и из стола...*

- *И у меня в глубине души всякие сомнения и опасения и страх и прочие демоны. Но - лучше со всеми этими демонами идти, чем стоять.*

- *Я тут погрузилась в теорию литературы и литературного редактирования - изучаю матчасть, так сказать. Так что готова к новому витку Иглы и нашего сборника.*

Я чувствую себя самозванцем всё еще. И всё еще учусь - и много. И сразу всякому. Редактуре - в том числе.

И меня распирает и от того, что мы все вместе сделали, и от самого процесса - тоже. Моё участие тут - вторично, мы собрали качественный коллектив и качественный материал. И самое крутое - сами авторы - РАСТУТ, растут в качестве текстов. Значит - у нас хорошая среда, и настоящее содружество и нам удалось создать творческую атмосферу для довольно большого и разношерстного круга - задача практически невыполнимая, а мы это СДЕЛАЛИ))

- На фотки из пустыни:
Божечки - меня сейчас от зависти расплющит))) Чего только Господь не выдумал за семь дней.... Выглядит - невероятно, инопланетно....
- Сон разума породил чудовищ.
Самое ужасное – что я уже многое из этого пережила, а многое слышала от очевидцев... История повторяется. А не должна.
- И вообще - это классно - у нас внуки, а мы - начинающие и очень быстро растущие писатели - ну круто же!!!
- К работе над сборником:
*«Надо не упускать из виду, что не все будут читать книгу целиком. Каждый рассказ должен быть самодостаточным. В то же время - сборник должен быть единым целым и смотреться монолитно. Поэтому - вот эти детали-сшивки - будем на примерках решать.
Всё описание целиком удалять нельзя.
И повторять в каждом рассказе - тоже нельзя.
У нас всё равно будут объединяльнички какие-то и какие-то сокращения - когда мы увидим навязчивые повторы.
То что мы делаем сейчас - мы отбираем розы для букета.
а потом мы подрежем каждую розу и добавим ромашек и зелени, поставим в корзину - будет букет. Но чтоб каждая роза была подчеркнута и находилась на самом выгодном месте».*
- К произведениям политзаключенных:
*Слава тем, кто в самые темные времена верит в свет. И пишет о своей вере.
Глас восставшего во мраке, в аду, понимающий, что мало шансов быть услышанным.
Тут - в данном случае - что этот глас звучит не так, как должен звучать с нашей сцены - не самое лучшее. Игла предоставляет свою сцену этому гласу. Только вот не навредить бы... Я об этом пекусь. И рубрика - Гости Иглы - это не сама Игла.
Я вот долго думала - и решила - что будет так.*
- Всем бы мудрости твоей собаки Лили. Но – гордость, упрямство, тщеславие, прямо стыдно за сапиенсов, какие-то глупые и агрессивные зверьки.

- *Я позавчера редактировала Новый год твой - вроде бы и читала неоднократно, но ржала так, что маменька обиделась. Она не поверила, что я читаю рассказ - думала, что кто-то меня смешит - а я от маменьки скрываю.*

- *Жизнь беженца и так не слишком томная - а тут ещё реалии польской провинции наслаиваются - здесь нет общественного транспорта. От слова совсем - что дает мне 12-20 км пешком в день.*

- *Они чуяли запах войны, и предупреждали. Смешные какие – я не верила, какая война в 21 веке... А они, переселенцы – принимали решение – бежать еще раз, или остаться... И паковали необходимое в рюкзак или укрепляли окна. Благодаря их лайфхакам наши окна целы. Конструкция из книжек и пятилитровых баклажек – спасает. Вот она – великая сила литературы и жизненная мощь воды! А вот эти метания глупых людей. Выскакивающих в пижамах и без документов, ну как можно быть таким глупым, не понимаю... А когда началось – я в рюкзак кота запихала. Ну, я же умная – усы, лапы и хвост – вот мои документы, а муж еще умнее – он это сфотографировал, так что, как только я думаю, что кто-то идиот, я всегда могу поглядеть на умную женщину с офигевшим котом в рюкзаке.*

- *Я когда маленькая была, придумала, что Бог существует - когда смотрела на закаты - не может быть, чтобы такая красота сама по себе сложилась.*

- *Всё - и сразу. Но так продолжаться не может всё время. Надеюсь на скорый выход из зоны турбулентности. А если затянется - то надо планировать жизнь с этой турбулентностью... Как научились планировать с войной... Это я опять - поныла. Ты моя жилетка)) Повадилась я тебе ныть. А то ведь - некому...*

- *У меня приключение.*
У меня закончился контракт на жильё. И нужно было съехать в другое - задача, в нашей деревне, со звёздочкой. Это была катастрофа - оказаться опять без дома с мамой в деменции - так себе удовольствие.

- Дааа, мою жизнь - точно курс перевернул)) да еще в Рождество)) самое удивительное Рождество в моей жизни - я шла по берегу моря, в море плавали лебеди и монахини, а ДЛ говорил, что я - готовый писатель.... какой-то сюр.... я тогда уволилась с каторжной фабрики, взяла маму - и мы поехали к морю на три дня...

Я тогда не знала - где мы будем жить, что мы будем есть - и потратила великие для меня деньги на этот курс - безумие полнейшее. Но если бы не писательство - и не все вы - я бы точно сошла с ума. У меня были провалы в речи, я простые слова забывала. Разучилась писать (но не разучилась печатать - видимо, это не интеллектуальный навык). За курс уцепилась - как за соломинку - и выгребла потихоньку.

- У мусульман домом тоже командует жена. Более того - жена решает каким будет дом, обустройство - единолично. А вот закупка продуктов - мужское дело. По списку жены. Экстремизм к Исламу вообще никакого отношения не имеет - как Инквизиция к Библии. Тема интересная, я долго изучала, выбирая себе религию. Но пока - не выбрала - не уверена, что для общения с Господом обязателен провайдер :)

- На самом деле - гильотина вероятности висит над всеми. Аня Мельникова - молодая, красивая, успешная, талантливая, обеспеченная, счастливая, а еще год назад - здоровая женщина. А сегодня - 9 дней. Никто не застрахован и не знает - сколько ему отпущено. Так что не будем откладывать на потом то, что... Да всё - не будем откладывать.

Лучшее время - сегодня. Гнать не будем - не в ущерб здоровью и семье - но и откладывать - тоже.

| Вера Арболь

НА СЕДЬМОМ ПЕРЕКРЁСТКЕ ОТ САТУРНА

Почему лучшие и любимые уходят от нас так рано? Мы ещё не наговорились с ними, не нагляделись на их светлые лица, не до конца набрались их мудрости и доброты, недостаточно оценили их животрепещущий талант.

С их уходом мы потеряли какую-то часть себя, ту самую, которая становилась лучше, приятней и человечней в их присутствии.

Но не стоит акцентировать внимание на себе. Понятное дело, нам жалко себя любимых – как мы тут без них? Они всё равно уходят. Уходят по призыву Господа, его верховной воле. Их земная миссия окончена, и где-то в других сферах найдётся им ещё более ответственное задание. Их души будут продолжать жить в других мирах, которые наверняка совершеннее, прекраснее нашего. Этим, пожалуй, нам можно немного утешиться и убедить себя в том, что когда-нибудь мы встретимся с ними где-то там, на седьмом перекрёстке от Сатурна, и посидим с ними в тамошнем милом ресторанчике и расскажем друг другу все накопившиеся новости...

Хочется верить в это, но вот тут же противенький червячок выползает из укромного своего тёмного уголка, приближается к сознанию, настырно заглядывает в глаза и нудит: «А смогут ли вообще пересечься ваши дороги на небесах? Допрыгнешь ли ты до уровня этого ушедшего человека?» И вправду – что, если нет? Да как же так?! И ты начинаешь постепенно настраивать себя на то, чтобы быть хоть немножко ровней этому человеку, стараешься дотянуться до его величины, стремишься быть достойным его памяти. День изо дня ты пытаешься делать что-то, что обрадовало бы его, что он бы наверняка одобрил. Вот что делают с нами люди-звёзды: даже после исчезновения с нашего горизонта, они продолжают отдавать нам своё свечение, давать нам ориентир. Делать нас лучше.

Так и Карина стала моей звездой и талисманом. Мы познакомились на писательском курсе Дмитрия Быкова в онлайн-школе «Прямая речь» в 2023 году, и после кратких встреч на семинарах она совершенно очаровала меня: биолог-альголог, пишущий пронзительные ис-

крящиеся тексты на любую заданную тему. В то время литературный альманах «Игла», в создании которого я была задействована, и который, кстати сказать, тогда ещё не имел названия, собирал материалы для второго выпуска. Карина, органично живущая в русскоязычном эмигрантском литературном процессе, совершенно естественно присоединилась к редколлегии альманаха по первому зову. Вместе с ней мы вдыхали жизнь в этот проект включительно до шестого выпуска. Бок о бок мы тёрлись в окопах писательского фронта, всецело полагаясь друг на друга: отбирали материал, редактировали и корректировали его, помещали его на наш первый неудачный вебсайт, искали иллюстрации и фотографии к стихам и рассказам, писали вступления к выпускам, и многое другое.

С четвёртого выпуска Карина стала единственным редактором альманаха – к ней тянулись нити от всех необходимых составляющих нашего детища. Она крайне деликатно относилась к чувствам пишущих коллег, и поэтому вела личную переписку в Телеграме, имейлах, а также общалась с авторами по телефону. Сегодня многие вспоминают о том, с каким тактом, бережностью и юмором переписывалась с ними Карина. Всё так. Помню, как я общалась с ней по поводу одного моего рассказа для шестого выпуска. Два именитых рецензента из онлайн-школы по писательскому мастерству призывали меня переписать его, указывая на его недостатки. И я относилась к такой их реакции абсолютно покорно. Однако, после моих многочисленных сомнений и уверений в том, что можно этот рассказ и не публиковать, я насколько не обижусь, Карина постановила: «Я думаю, что мы его опубликуем.

Замечания гуру очень ценные и важные, но мы этот рассказ прочли и полюбили, то есть все эти несовершенства не мешали нам читать с интересом, а это самое главное». С её помощью я многое изменила в рассказе, и он-таки появился на страницах «Иглы».

Да, Карина ответственно работала с авторами, неустанно оценивая, перечитывая, предлагая варианты улучшения, и, что и есть самое важное, доводя их стихи и рассказы до публикации. И за это многие, безусловно, ей очень благодарны. В наших обсуждениях «за кадром» она никогда не говорила о ком-либо резко, даже если он или она заслуживал этого. Максимум, что она позволяла себе, лёгкое подтрунивание, дружеский сарказм. Запомнилось, например, как об одной маститой поэтессе, раскритиковавшей некоторые стихи наших других авторов, Карина сказала: «Ну, она тоже не то, чтобы роза на помойке».

Её тонкое профессиональное отношение помогло многим продолжать писать, вдохновило на новые работы, помогло поверить в свои писательские силы и подарило радость общения с читателями через тексты. Разве это не дело рук волшебницы?!

Я также хочу рассказать об её понимании авторов-политзаключённых (ПЗК). Когда появилась идея опубликовать их произведения на нашем сайте, Карина загорелась: это обстоятельство придаст «Игле» особенность в ряду других подобных изданий, давайте делать! Но на поверку выходило, что стихи ПЗК были слабыми, невыгодно отличались от стихов других наших авторов. К тому же мы много дискутировали друг с другом и с волонтерами, насколько безопасно помещать их работы в антивоенном альманахе и на сайте «Иглы». Когда же всё-таки решили в пользу публикации, по поводу качества текстов Карина справедливо отметила: «... ну, мы все сидим дома в тапочках на диване – и у нас куча возможностей учиться писать и улучшать написанное, а в тюрьме таких возможностей гораздо меньше. И тут уже не про качество стихов, а про возможность быть услышанным». Это очень правильно, на мой взгляд: надо редактировать, исправлять, идти на компромисс и находить консенсус в вопросах формы и содер-

жания текстов ПЗК, и обязательно давать читателям услышать голоса из тюрем. Обязательно. А иначе, какие же мы человеколюбы и сшиватели душевных ран?

В последний раз мы созвонились с Мариной 11 ноября, 2025 года – в День Ветеранов в Америке, а 8 декабря её не стало. У меня был выходной, она тоже была дома – только вернулась после недельного пребывания в госпитале, поэтому мы не торопились и разговаривали больше часа. Я слышала, что иногда ей требовались паузы в говорении, и я с готовностью наполняла их своей болтовнёй. Конечно, в основном мы говорили об «Игле», о наших проблемах и планах. Карина вдруг поделилась: «Слушай, мне сегодня приснился сон. Помнишь, ты рассказывала и показывала видео из дома Марка Твена? Так вот мне приснилось, что у нашей «Иглы» есть похожий писательский дом – практически похожий на дом Твена, с фонтанчиком и кучей растений. Не знаю, где он находился, но там мы собирались, общались, спорили... И всё это было так правдоподобно, ярко, я так чётко видела название «Игла» огромными буквами на этом доме, что, когда я проснулась, я подумала: нам обязательно надо иметь свой писательский дом».

Такая она была, наша Карина: мечтательница с любовью к людям-сочинителям и ценителем слова – духоподъёмного, окрыляющего, будоражащего. Рядом с ней хотелось мечтать, писать, верить в лучшее, быть лучше. Рядом с ней этого действительно хотелось, невозможно было по-другому. Вот что делают с нами люди-звёзды.

До встречи на седьмом перекрёстке от Сатурна, Мариночка. Надеюсь, мы когда-нибудь там встретимся. Но сначала я запишу на аудио все твои прекрасные стихи и рассказы. Обожаю их! Знаю, ты очень любила слушать их в моём исполнении – пусть люди наслаждаются их музыкой долго-долго. Плюс сделаю ещё несколько добрых дел – под светом твоей звезды. Чтобы хватило мне кредитов добраться до места нашей встречи.

Я - не)) И это убеждение по жизни)) Моё окружение всегда погружается))) У меня есть смешная студенческая фотография - пляж, все в трусах, я в шубе. Так как снега нет - есть море, и на фото нигде не видно, что это зима, то я в шубе на пляже смотрюсь весьма экзотично))

Черноволосая девочка с яркими глазами и обязательно в чем-то красном встречалась мне в факультетских коридорах, в библиотеке, в университетских кафе и в пиццерии неподалеку.

Алиса Дербенёва

| Алиса Дербенёва

ТЁПЛЫЙ ВЕТЕР

На биологическом факультете Харьковского университета наибольшее уважение у первокурсников вызывали не преподаватели, не лаборатории, не портреты великих предшественников, а старшекурсники. Пятикурсники казались нам тогда недостижимыми олимпийскими небожителями. Четверокурсники - героями-полубогами. Третий курс, изучая в курилке конспекты, поглядывал на нас - личинок студентов - свысока. Второкурсники смотрели в нашу сторону сочувственно, мол, вы еще не знаете, что вам предстоит.

Черноволосая девочка с яркими глазами и обязательно в чем-то красном встречалась мне в факультетских коридорах, в библиотеке, в университетских кафе и в пиццерии неподалеку. Мы улыбались друг другу, но заговорить с ней я не решалась. По тогдашним неписаным правилам младшекурсникам не рекомендовалось лезть к старшим с разговорами. Я знала только, что ее зовут Карина. Карина пробегала мимо тёплым улыбчивым ветерком. Как жаль, что я тогда не решилась с ней заговорить.

На биостанции в Гайдахрах, где у нас была практика после первого курса, отдельно стояли домики дипломников. Там останавливались полубоги третьего-четвертого курса, которым для диплома нужны были исследования *in vivo*. Однажды я увидела там Карину в красной футболке и с копной вьющихся волос. Она улыбнулась мне, как знакомой, а я постеснялась к ней подойти. Как жаль, что тогда я была такой застенчивой.

Когда курс Карины после защиты дипломов фотографировался возле входа в универ, мы смотрели на них с завистью, не понимая, что еще проживаем прекрасное время своей жизни, а они уже переходят в другую жизненную стадию. Карина в чем-то красном выделялась ярким огоньком даже на фоне разнокалиберных однокурсников. Хотелось подойти поближе и спросить - ну как вам теперь? без лекций,

коллоквиумов, лабораторных? без общаги, на кухнях которой зарождались как семьи, так и бизнес-проекты? Но пристать к небожителям с вопросами у меня не хватило смелости. Как жаль, что снова не подошла.

Через пару лет пришла пора и нам фотографироваться возле универа. Началась новая жизнь.

Временами я видела Карину в саду Шевченко, где много лет подряд восемнадцатого апреля встречались выпускники универа. Она была все также хороша, все также в чем-то красном и снова мне улыбалась. А может, не мне, а всем, всему миру.

Потом мир закончился и началась война. Взрывной волной меня занесло в Германию, откуда я вернулась почти через год с назойливой потребностью писать. Желание было сильнее меня, и я писала - сперва рассказы, потом наваяла целый роман и испугалась. Даже стала подозревать в себе психическое отклонение, нечто вроде шизофренической графомании. Друзья и другие люди, которым я подсовывала свои тексты, к великому удивлению, меня хвалили. И даже подбросили ссылку на международный альманах, в который можно отправить мои рассказы. Что я и сделала.

Мне пришло письмо с теплыми отзывами, подписанное знакомым сочетанием имени и фамилии. Я увеличила фотографию аккаунта и замерла от удивления. Не может быть! Но это точно была она. Позже, когда мы с Кариной поговорили, я сказала, что помню ее по универу. Она снова мне улыбнулась. Теперь - смайликом на экране ноутбука. Но ощущение теплого ветра, исходящего от нее, ничуть не изменилось. Я насобирала фотографии людей, которых мы обе знали, мне ужасно хотелось с ней поделиться. Но оказалось, что улыбчивый ветерок в красной футболке теперь стал для меня окончательно неуловим.

Карина, спасибо тебе за науку - не тратить время на глупое самокопание, на мелочную суету, на излишнюю скромность. Все оставшееся время жизни нужно посвящать самому главному, не размениваясь на пустые хлопоты. Как жаль, что я не поняла этого раньше.

КАК ЖАЛЬ.

Лилианна Янхофер

Нет, мы не были лично знакомы. Не встречались мимолетно на концертах, в театре, не проходили мимо на улице, не оглядывались: что-то знакомое, нет, показалось.

Мы познакомились на творческом семинаре, потом в “Смольном”, дальше в альманахе, потом в личке. Между нами были мили-километры, страны, границы, союзы, европейские и не очень, океан, и не только.

Бывают люди, которых ты знал всю жизнь, хотя никогда не встречал. Такой была Карина, красавица с копной темных кудрявых волос, с горящими приветливыми и умными глазами. В них было столько энергии, веры, желания жить и творить. Мы знакомы, улыбнулись глаза.

Я узнала ее историю, она мою. Мы обменивались впечатлениями, житейскими мелочами, деталями с места жительства. Как-то Карина прислала фотографии улицы, густо застроенной, европейской, со сказочным флером. Было ясно: есть место, но дома нет. Я рассказала ей про наш дом, построенный прадедом мужа сто двадцать лет назад. Мы приехали из Штатов, кроме прочего, спасать его. Крыша прохудилась, трубы проржавели, да и внутри много чего состарилось.

Я отправила Карине фотографии обновленного интерьера: обстановка комнат, освещение, обои. Она заметила платье принцессы, кокетливо выглядывающее из шкафа детской комнаты. Эта деталь, почти театральная, могла броситься в глаза натуре открытой, мечтающей, артистичной. В этот момент Карина стала маленькой девочкой, принцессой, сказочным существом, способным перемещаться из мира в мир, оставляя улыбку на наших лицах.

Она была волшебной.

Ongoing

Dear Karina, liebe Karina, Карина,

Я давно хотела написать тебе, но не решалась. Ты всегда находила на наших «альманахеских» просторах место для личного. И сегодня я не хочу о войне, хочу о своем, о личном. Я расскажу тебе про Амстердам.

Свой юбилей в полвека я отпраздновала в этом стильном городе. Захватывает дух от того как тут чувствуется время: старинные ветряные мельницы машут натруженными ручищами посреди средневековых улиц, в центре ультрасовременного города.

Бесчисленные велосипедисты, мчатся со скоростью летучей мыши. Грязно-серое небо рыдает, как ребенок в безутешном горе, но ни-

кто не замечает непрерывного плача – привыкли. Накинул капюшон, взгляд под ноги, пальцы горсткой у воротника.

Клерки в модных костюмах, обязательно «слим-фит», спешат в кофейни, запах марихуаны, старины и модерна, секс-шопы, сыры неподъемные и неохватные... как и полагается в аграрной стране. Правда тут давно уже на полях никто не работает: все делает искусственный интеллект - ура, товарищи! Все вроде то же, что и в Германии, но по-другому. Здесь нет толкучки, человек и машина гармонично сосуществуют. Город кажется приветливым и податливым.

Карина, я думаю, тебе бы тут понравилось.

Есть в Амстердаме неожиданные нюансы. Кьюар коды, пропускные посты там, где их не ожидаешь. Билет надо сканировать при входе и при выходе из автобуса, на выходе с вокзала тоже контроль. После того как отстоишь в очереди на входе в музей, тебя спрашивают, куплен ли билет онлайн, если нет, просят купить в Интернете, и снова встать в очередь. Музеи открыты до пяти вечера, не разгуляешься. Все это создает ощущение какого-то кафкианского флёра. Местные привыкли к этим отголоскам пандемии – все, чтобы избежать лишнего физического контакта между людьми.

Через реку Эй на пароме - бесплатно. Спросила: как так? Все просто: раз моста нет, переправа бесплатная. Логика! На другом берегу здание, раздвигающее тяжелый серый занавес дождя. Белизной и конструкцией оно напоминает экстравагантную оперу в Сиднее. А может музей Гуггенхайма в Нью-Йорке. Это причудливое здание - Музей кино.

В этот день шла выставка Тильды Суинтон Ongoing. Ради нее я и приехала. Ты, Карина, как-то обмолвилась, что тебе понравилась ее последняя работа – фильм «Соседняя комната» о дружбе, несовершенном материнстве, о любовнике, которого делишь с подругой, о войне (прости, родная, я опять о об этом) во Вьетнаме, войне с раком, о любви.

Этот фильм - критичный взгляд на больные темы, не мигая, не отводя взгляда, не отворачиваясь. Конфронтация с законом юридическим и католическим, право на смерть по своей воле, подсвечены слепящим апрельским солнцем и яркими красками Альмодовара.

А помнишь, фильм «Я – это любовь», где она играет Эмму, русскую жену богатого итальянца. Про бунт, победу чувств над мещанством, про жизнь. Это из самых несложных фильмов, но, близких нам, она там даже говорит пару фраз по-русски.

Тильда играет злых и добрых, старых и молодых, женщин и мужчин, людей и ангелов, королев и монстров... Она без пола и возраста. Она инопланетная. Ты права, ее искусство неком-

фортное, оно царапает, открывает раны, но оно всегда о человеческом. Всегда о том, как сделать этот мир лучше. На выставке были ее работы: короткие фильмы, специально снятые для этого проекта, фотографии (Тильда не бывает нефотогенична, она создана для камеры), поэмы, ею написанные, и много всего, что лежит за пределами языка кино.

На экране Тильда высокая, тонкая, андрогенная, недостижимая. Она эксцентрична, но ее искусство доступно, близко. Я посмотрела выставку несколько раз. Вышла, зашла еще, еще и еще. Каждый экспонат был откровением, пах, таял на языке, хрустел под ногами. Я чувствовала, что что-то во мне вибрирует и я меняюсь.

Зайдя в музей, я увидела очередь, змейкой повторяющей рельеф стены фойе. Человек пятьдесят, никакой толкучки, тихий разговор, как перед театральным выступлением. Я спросила, кто последний и зачем стоим. На меня посмотрели, как на ошиблись дверью. Тильда здесь, будет подписывать книги. Сегодня. Вот это подарок, подумалось мне!

И вот Тильда появилась и начала подписывать книги, приветливо встречая каждого, спрашивала имя, улыбалась, смотрела в глаза.

У меня не было книги, поэтому я встала неподалеку и просто наслаждалась ее присутствием. Она оказалась не такой, как на экране: среднего роста, да, тонкой, почти прозрачной, но мягкой и женственной. Я любовалась ею и ощущала ее необыкновенную ауру, даже на расстоянии.

Вдруг Тильда посмотрела в мою сторону, наши взгляды встретились, мне показалось что ее глаза говорят: «я знаю, что ты знаешь», и от этой близости закружилась голова. Она смотрела так, как смотрят, когда чувствуют что-то родное, когда любят и ничего не могут с этим поделать.

Я долго ходила по холлу, ощупывала себя, рассматривала афиши на стенах, и все время чувствовала энергетику Тильды. Согрешившись, я отошла от костра, села в поезд, и вернулась уже не прежней.

Лиля Я.

28 декабря 2025 г.

| Татьяна Оленева

ТВОЯ Оленева Таня

Талантливый человек талантлив во всем. За что бы ты ни бралась, моя дорогая подруга, все было талантливо, тонко, фантазийно, вкусно - не оторваться! Пересматривать, вкушать, наслаждаться, возвращаться и повторять вновь и вновь. Ты словно родилась такой, с заводскими настройками талантов, мудрой и тонкой душой.

Мы сидели с тобой за одной партой, любили читать одни книги, учились друг и друга готовить что-нибудь вкусненькое и у меня остался твой рецепт грузинской кадзы, у которой «тесто должно быть нежным и упругим как попка младенца», ты так забавно это произносила в четырнадцать лет...

Ты родилась зимой, но для меня ты всегда ассоциируешься с ранней весной, с пробуждением природы, пьянящими ароматами первых цветов, с нежным облачком цветущей сакуры. Я присылала тебе фотографии буйного весеннего цветения из города нашего детства, а ты просила приложить к ним запахи и ароматы, за которыми скучала.

Помню наши прогулки по узким старым улочкам. Помню грозу, и как мы прыгали по лужам и кушали первую вишню. Как провожали друг друга ночью после курсов английского, было страшно расстаться и как потом каждая бежала стометровку к своему дому.

Помню твоего папу, Гимада Жановича, нашего консультанта, помощника и вдохновителя по геометрии, и спасителя всего класса, так как пока мы задавали сто один вопрос математичке, - они отдыхали.

Хочется выпить с тобой чай по-татарски, крепкий и ароматный и говорить обо всем и ни о чем, просто побыть рядом. Столько воспоминаний связано с тобой...

Мы всегда учились, каждый своему направлению, много курсов, тренингов. И такое счастье было это обсудить с тобой, поделиться информацией. Ты говорила: «Я готова поделиться с тобой всем-всем-всем». Это слова близкого моей душе человека. И ты не поделилась со мной своей последней болью, своим страхом, оставила это в себе... Такая маленькая и такая сильная Душа!!!

Война отменила наши встречи, сделала реже общение, сделала наши души взрослее, закалила и утомила чередой событий, новостей, обманутых ожиданий. Я пропустила момент невозврата, когда ты замолчала. Я увидела в конце августа стихотворение на твоей страничке, про желтого медвежонка, из детства, забытого летней ночью во дворе, переслушивала много раз слова:

Пусть мы врозь, но все же вместе.

Ты пожалуйста живи,

В заповедном детском месте,

Островке моей любви.

Почувствовала тоску, безысходность, бесконечную грусть, что-то изменилось, и я слишком поздно поняла что именно.

Моя дорогая подруга, ты ушла в мир иной, оставив о себе только светлую память, посеяла семена доброты, красоты, любви. Желаю твоей прекрасной Душе обрести вечный покой.

Твоя Оленева Таня.

| Марина Кольцова

ТАПИР

*Способна ты взглядом объять и обнять,
Наукой отправить вселенную вспять,
Увидеть те смыслы, что мы не нашли,
Развеять сомненья, подуть на угли.*

— Тань, заходи, не обращай внимания, у нас тут бардак...ну как обычно, — кричала я из кухни, открыв замок двери заранее.

— Мне с моими тремя уже ничего не страшно, — отвечает подруга, переступая игрушки и книги, — а что это у тебя Настя делает, книгу что ли читает? В два года?

Жила я в родительской двухъярусной квартире, где одну комнату занимала библиотека. Огромные собрания сочинений мама выписывала на фабрике, благодаря высокой должности, в профсоюзе, ждала месяцами, а потом мы всей семьей дружно шли забирать килограммы текстов. Кажется, что прямо все было дефицитом тогда: и мороженное, и козинаки, и, вот, литература. За тридцать лет работы главным бухгалтером мать сколотила приличную коллекцию разрешенных в СССР авторов. Можно даже мини-библиотеку открывать — такое наследие.

И не то чтобы у Насти в этом доме не было других занятий или игрушек, но книги с раннего возраста стали предметом важным, она их листала, переставляла, строила из них замки, прятала листочки, в общем относилась к ним бережно настолько, насколько позволял возраст. Единожды дочь обнаружила, во время познания мира, что эти удивительные предметы можно рвать, и стала радостно иллюстрировать физику механического разрушения волокон под действием растягивающихся и сдвиговых напряжений, что превысило предел моей психической устойчивости, после чего изучение данной научной дисциплины прекратилось. В общем, книги остаются в целостности и сохранности по сей день.

— Нет, конечно, какое там, читает, она просто картинки разглядывает, смотри, я тут новую

книжку купила, открываешь страницу с каким-то материком и тут рядом животные нарисованы, вот спроси ее, кто водится в Южной Америке.

А Таня — человек очень простой, прямой, отзывчивый и невероятно искренний, все что думает, тут же и выдает. Родом она официально из Бобруйска, но всю жизнь прожила в деревне, поэтому и знает на отлично флору и фауну Могилевской области, как что растет, где кто живет, с кем, и о чем с ними можно договориться. Ей бы, может, и хотелось прочесть про эту экзотику, ну или хотя бы картинки пролистать, но времени катастрофически нет: младшего к лору отведи, дочь — на уроки кройки и шитья, в жизни пригодится, муж купил какой-то коленвал, а планировали откладывать на отпуск, надо поругаться, старший стал материться, придется его отца призвать к воспитательным мерам, ничего не перепутать, а между тем еще две работы, дача, папа болеет, перевезти его в город срочно, а машина, разумеется, сломана, и деньги сдать на День учителя, трижды, как заклинание.

— Пума, — тычет Настя пальцем в большую кошку. — Ленивец, — показывает на застывшую улыбку млекопитающего из отряда неполнозубых. — Тапир.

— Маш, кто такой тапир, — шепчет мне Таня, — не знаю таких, кто он?

— Да знаешь ты, такой как бы собака-свинья с тупым вытянутым носом, — отвечаю я, показывая в книгу, — ну вон же, посмотри.

— Куда смотреть? Вы что издеваетесь надо мной тут?

— Таня, ну что я могу сделать, вот книга, тут так нарисовано, я прочла ей все что написано, она запомнила, — начинаю уже оправдываться я.

— Да ну вас с вашим, как его там, тамиром к... в...баню! Достали уже, вот нравится им издеваться, блин. Тапир-вамфир... Учите животных Беларуси! Умники нашлись. Все, давай, херней маются тут. До завтра.

И ушла. Неловко как-то получилось. Ну и правда, тапир этот дурацкий! Надо было ему по-пасться на глаза...

— Кто следующий? Маш, давай ты!

— Слушай, оно сыроватое еще, там беспорядок в рифме, словах, только закончила...

— Ну как обычно, ничего, нас таким не испугаешь, читай, разберемся.

БАЛЛАДА

Как ты прекрасен, сын Деметры,
Царь сердца моего, желаний вор,
Не веселит вино и шёлка метры
У ног моих лежащих как анкор.

Дары других не радуют, не греют,
Тупы они как тот тапир в ночи,
Что не пришел, по поведению – неуд,
И боль не заглушить, как ни кричи.

Ты спал с другой, я пила яд печали.
Она же не подходит, посмотри!
Мои надежды тихо умирали,
Я - третья, улетаю в октябри.

Сменила адрес, год, страну и стили,
Курю с одним, с другими пиво пью.
Открыла Нарнию, порталы, апероли,
Спасибо за твой лёд, давай, адью.

Я вижу яркий свет, рождаюсь, трачу
Карты, слАвлю дивный новый путь.
Забрёл юный король на мою дачу,
За ним и дочь, род вспять не повернуть.

Вернулся Дионис, стоит за дверью
Его история пропела, love прошла.
Всё письма пишет, приглашает в келью:
«Пожалуйста, роди мне малыша».

Как же ты жалок, прост и неприятен,
И пахнешь как гнилой степной табак.
Как же достал, будь ты сто крат неладен,
Ты опоздал и проиграл, мой раб - Спартак.

Смиллу читала много лет назад, вот странно - про инуитский способ писать - помню, а про кивиак - нет. Хотя кивиак, несомненно, экзотичней. А еще мне там запомнилось определение мнимых чисел, самое оригинальное определение на свете) Но это - офтоп, мы же тут про литературу и выпить, а не про математику)..

— А почему ты пишешь, что тапир тупой? Он же вроде вполне себе образованный, так сказать, не очень социальный просто, ну и выглядит нелепо, а так ничего вполне, не самое глупое животное. Хотя я не разбираюсь, конечно, - комментирует Наташа, музыкант.

— Тут, неверное, несостыковка получается, но это неточно, тупы они все вместе как один тапир? — высказывается Константин, студент-математик.

— Слушайте, так это же вообще животное, которое ночью двигается, оно сумеречное, поэтому если говорить о фазе активности мозга, днем он может быть пуглив, прячется ото всех, что, может, дает основание называть его неумным, а если в темное время суток, то он не тупой, поэтому тут получается ошибка, наверное, — хотя я не знаю точно, — отзывается Денис, инженер из США.

— Карина, нам нужна твоя помощь, ты — биолог, подскажи, пожалуйста, что не так, прошу я спасти меня самого доброго и отзывчивого участника нашего поэтического кружка.

— Слушайте, вы серьезно? Мне кажется, вы издеваетесь!

— Почему же, Кариночка, — недоумеваю я, — тут, похоже, все по-настоящему, все искренне прицепились к не самой важной части стихотворения, это ведь даже не лирический герой, а столько внимания.

И дальше наша утонченная поэтесса своим невероятно нежным голосом, сказала то, что остановило вообще все противоречия и споры по этому поводу:

— Вообще-то у нас на кафедре упоминание тапира было признаком явного стёба. У этого животного короткие ноги, он неуклюж, ходить ему неудобно, а половой член в состоянии эрегированности вообще не добавляет ему легкости в жизни, он на него даже наступает. Поэтому, Маш, ты прости, но я была уверена, что в этом катрене ты используешь тапира как сатирического персонажа.

Смеялись мы все долго. Стало понятно, что тапир задел всех, теперь уже не просто своим существованием, но и особенностью, так сказать, бытия.

Второй катрен я, конечно же, убрала, благодаря Карине, и стихотворение стало без него значительно лучше. До сих не знаю, то ли это был такой деликатный способ у нашего любимого биолога вмешаться в идею автора, то ли просто она хотела нас рассмешить и продлить нам всем жизнь.

Это, казалось бы, не самое судьбоносное, но очень яркое воспоминание, возвращает меня к Карине. В спорах, словесных баталиях я замираю и думаю, а как можно было бы не просто выйти также деликатно из лабиринтов ума, но и всех рассмешить, сбить градус напряжения.

А тапир, который для меня был наименьшей загадкой, как и для моих друзей, теперь стал ближе и роднее. Вот и сегодня, собирала вещи, очередной переезд, и нашла несколько игрушек из «киндер-сюрприза», а среди них — тапир. Оставила.

ТЕПЕРЬ ЖИВЕТ СО МНОЙ.

Юлия Петрова

Я вчера весь вечер перечитывала нашу с Кариной переписку. Какие она писала слова поддержки и восхищения моим скромным текстам. Как была добра.

Спасибо ей большое за всё.

Светлая и благодарная память.

Очень сильно ищу приличный эквивалент слову «вштырило», но не нахожу, потому как если вштырило, то уж вштырило. От этого рассказа – штырит.

Татьяна Демьяненко

Ко мне Карина приезжала во Вроцлав почти два года назад. Мы раньше никогда не были знакомы. Провели незабываемый день. Говорили, говорили и не могли наговориться. Я тогда была не в лучшем виде, после онкологической операции. Карина поддерживала меня и вдохновляла.

Я до сих пор не могу поверить, что ее нет!

Царствие небесное, дорогая.

Я буду тебя помнить.

Феликс Волков

Карина была очень отзывчивым человеком и очень добрым.

Она редактировала мой рассказ «Профессор Шноль» — о завкафедрой биофизика в МГУ в 70-е годы. В процессе, мы долго вспоминали «циклы Кребса». Она помнила все реакции — я был удивлён!

Светлая память и Царствие Небесное!

До Зустрічі там на Небі...

Глеб, Днепр

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Когда человек уходит из-за рака, всегда задумываешься о несправедливости существования. Ведь рак – это не та болезнь, которую можно предсказать или обнаружить вовремя: за всеми его разновидностями просто не уследишь. Ты можешь не курить, вести активный образ жизни и не есть жирное – но однажды станешь в полдень под солнцем – и привет, меланома. Лечение от рака всегда стандартное, тайных целительных практик не существует, но существует статистика, что при онкологии N шанс вылечиться X, а не вылечиться Y – и куда попадешь именно ты, не знает никто. Честно? Нет. Так же и с войной, разлучившей Карину с мужем и Харьковом.

Но есть в жизни и справедливость. Я не дружил близко с Кариной, но я всегда знал, что она мне друг, и когда мы впервые познакомились с ней в поэтическом зуме, то меня поразила её искренняя доброжелательность и интерес ко мне, хотя для этого не было никаких предпосылок. И буквально с первых её слов я знал, что это мой человек, с которым можно быть честным и который не предаст. Это может прозвучать странно, но когда сейчас я думаю о Карине, то понимаю, что Бог есть. Потому что Бог – именно тот, кто гарантирует справедливость, и существование Карины среди всего этого – войны, онкологии, недобрых людей – подтверждение Его существования.

Было бы справедливо, если бы мы встретились с ней ещё раз.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ

Эпистолярный жанр в наше время хоть и утратил былую обстоятельность, но существовать не перестал. В своих бесконечных “твитах” люди пишут жизнь как она есть — коротко и предельно ясно, честно и предельно точно. А иногда людям просто охота потрындеть. Тут-то и рождаются шедевры.

Мы собрали несколько фрагментов из переписок Карины с ее друзьями и коллегами. Их имена тут приводить не будем, но их реплики отчасти оставим, чтобы удобнее было слушать рассказчицу.

Жизнь прифронтового города

Какие новости из дома?

Муж цел

Про Харьков всегда сообщают только часть новостей

в последние три дня сильно бомбят = много жертв и разрушений

в третий раз бомбят авиационный институт.

В ТРЕТИЙ

а он от моего дома недалеко - дом реально шатало - когда бомбили

тогда тревогу конкретно на наш поселок объявили

но муж - не почесался.

сейчас все так - идут в укрытие только госслужащие в рабочее время, остальные - игнорируют. И на работе и в личной жизни.

Война - часть быта и часть жизни

Мне муж сегодня пишет - идет из магазина - воздушная тревога, где-то уже взрывы, сирена завывает, он себе идет, Андрей в огороде работает, бабки на лавочке сидят, Рома с женой гуляет - жена из Голландии приехала на побывку - соседи шашлыки затеяли - никто особо ухом не повел...

а по ночам - кто не привык на сирену продолжать спать, тот сам дурак и не работу пойдет не выспамшись...

такая вот жизнь прифронтового города

А в твой дом не попадали?

только осколки - прямых попаданий не было. Один раз побил осколками стёкла соседям справа и слева, а моего мужа, **СТОЯЩЕГО НА БАЛКОНЕ, КАРЛ!** только внесло в комнату и впечатало в шкаф, осколками не задело. Ангел крыльями прикрыл, не иначе...

MEM картинка:

Каждую пятницу, покидая офис, шеф громко произносил: жопиздан!

Охрана напрягалась, уборщица крестилась...

И только переводчица Лена тихонько поправляла: Job is done.

По пятницам то один - то другой, кто-нибудь из харьковских друзей присылает вот это. Улыбает и это и то, что в Ха работают офисы. Во время зумов часто слышу воздушную тревогу - и мышцы на лице дрогнуть могут только у меня. А в выходной вели репортаж с пикника - и тут раздалась тревога - я говорю - какие вы молодцы - а они даааа, найти место сегодня было трудно - и показывают широким планом - машины, машины, машины на берегу реки.... все такие расслабленные, никто не подумал, что я про тревогу.... Тревога - фигня... а вот место найти на берегу.... Скачет двухлетняя внучка моих друзей, она родилась под звуки воздушной тревоги в подвале родильного дома - вот для кого воздушная тревога не повод для тревоги и не препятствие радости жизни.

С пятницей! Жопиздан :)

Свекла нейтрализует кислоту - так что может и само справиться. Ты много свеклы кладешь в борщ?

сельдерей еще - но его много не положишь))

сегодня был прилет совсем рядом с моим домом.... и еще ближе - к маминому.... муж пошел посмотреть - целы ли окна...

Я ж биолог

Я ж биолог, меня только от чая с молоком мутит... Но - уберу, если неудачная иллюстрация. (Сорри, я прочла трехтомник по глистам с картинками - у меня порог чувствительности иначе устроен)

А когда везешь в багаже 50 бутылочек болотной воды и образцы помета разных животных - и тебя ведут в отдельную комнату для пояснений, а ты начинаешь рассказывать с упоением про свой диплом, на третьей минуте таможенники очень настойчиво стараются от тебя избавиться и желают счастливого полёта, а ты орешь, что они самое интересное еще не увидели.... А тебя на руках в самолет вносят - лишь бы заткнулась... И багаж с кашками как шлейф за королевой - только б избавиться...

Я думаю, я учила биологию - как вы иностранные языки. Вбивая в подсознание. Я же память утратила полностью - и первое, что начало всплывать - это латынь, бля! трехэтажное название какой-то арктической травки - и её фармацевтические свойства - знаю, а как меня зовут - не помню... так себе чувство было.

Писать разучилась - а печатать - нет. Даже скорость не утратила. С бабочками - хитрю, конечно. Я их изучала подробно, подробней, чем некоторые ботанические дисциплины. Вот и всплывают в памяти первыми. При случае.

Телескоп я тебе свой отдам)) Но у меня не сильно мощный - много одежды на него не повесишь)) у меня еще микроскоп есть - но во хозяйстве прижился, столько биологов в доме - без микроскопа - никак))

я ж вообще не советчик по стихосложениям. Меня, как биолога фраза «кило на кило натрий хлор» умилила - и дальше я пошла думать практически - это же рапа получилась.... А Виталий бы сказал, может быть, что это - выпадение из жанра

Картинки из сельской жизни

Отвела детей в школу, зашла за кофе... Мужичок-картофелина ведет светскую беседу с продавщицей.

- Кофе, придумали, тоже мне, гадость какая, как можно это пить!

- Да, да, - кивает продавщица.

- Мой брат и свояк вообще никогда не пили кофе, даже не пробовали, - пакует две бутылки пива и бутылку водки.

Продавщица, проявившая солидарность с картофелиной должна теперь как-то сделать толерантный переход ко мне.

- Ну, если побольше молока, то вполне можно пить, - примирительно вещает она в пространство между мной и картофелиной.

Беру один латте и один чёрный, возмутительно неприлично неприкрытый черный. Ну, украинцы вообще странные.

Любовь - не картошка

сегодня у меня годовщина свадьбы
35 лет

Пью гжанец и грущу))

*Да столько не живут! -
Сказал священник богу
Нет-нет, - ответил бог,-
Конечно, что за блажь!*

*Пожалуй, пятьдесят,-
Задумчиво в дорогу
Им глядя молвил бог,-
Хороший экипаж!*

Спасибооо))) Так мииилооо...
как-то монтаж.... не может быть - чтоб 35))

Как вы познакомились?

на капусте)
Я купила два больших кочана капусты
а они были тяжелые - и он помог мне их до-
переть
1 декабря это было

*А зачем тебе столько капусты было надо?
Солить?*

неее - мы по очереди на всю комнату гото-
вили - по два дня
Вот я и купила капусты - борща наварить
и потушить на всех
и еле волокла

*Любовь их началась с капусты
Хоть не рифмуется она
Стрела пронзила его сердце
И два большие кочана*

Это в каком году было?

в 87

Важно - всё!

только что пришла с занятий - по сре-
дам хожу на английский, и по про-
дуктам скупилась - сейчас нужно в
Ковчег на занятие идти и разбирать-
ся с работой - моя коллега напутала
с поставками из Китая - надо разби-
раться - как далеко зашла ошибка....
вот - хоть разорвись

о да - датский венчик меня в свое вре-
мя очень озадачил))

я перед войной увидела этот девайс - и
прочла отзывы - их было два вида -
восторженные и разряда, как мы жили
до сих пор без этой прелести и разве
это была жизнь - а другая половина -
самая бесполезная штука на кухне...

да - но тут ситуация - она там, под
бомбами и мы знакомы 10 лет - и у нее
- как у меня - многозадачность.... она
запуталась и налажала.... бывает....

будешь венчик пробовать?

Самое ужасное - привыкли.
По ночам не просыпаются от тревог
Тревоги - каждую ночь и неоднократно
- либо с ума сойти - либо привыкнуть
вот да - домашний хлеб - именно еда!

Солнце, лаванда, вино...

К.: Вчера думала - как там вы, как внучок растёт))

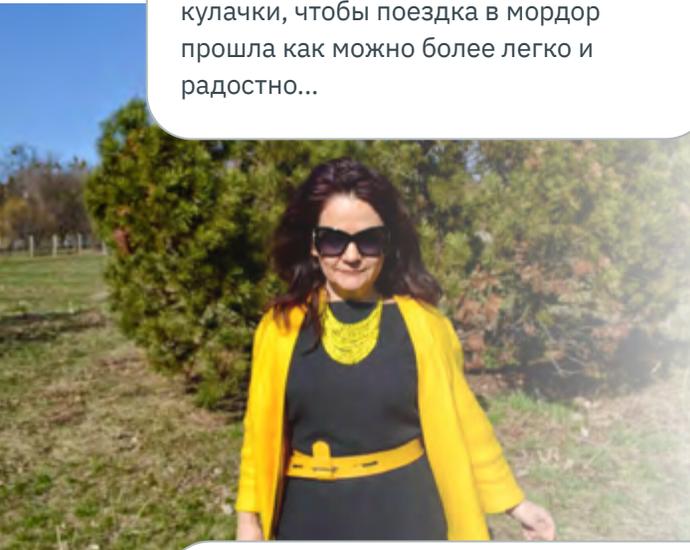
Н.: Уже три месяца. Сейчас молодое семейство здесь, у меня во Франции.

К.: Боже! Как это прекрасно звучит, все аккорды - молодое семейство, у меня... и это «у меня» - во Франции (= для меня это - солнце, лаванда, вино и замки). Наташа, обнимаю, и держу кулачки, чтобы поездка в мордор прошла как можно более легко и радостно...

К.: Рада, что вы в безопасности)) Надеюсь, что в скором времени - темницы рухнут, война закончится, и мы получим возможность безопасно возвращаться в свои страны и выбирать страну проживания по желанию, а не по необходимости)

Н.: Да, надеюсь. Сейчас все силы уходят на изучение языка и вживание в эту реальность. После пятидесяти это непросто. Но, очень вероятно, что жить в Россию не вернусь.

К.: Да, согласна, учить языки в нашем возрасте - задача со звездочкой. Но, думаю, со временем большая часть человечества перейдет к этой практике - менять страны жительства - всё больше и больше молодых так и делает. Просто из любви к такому образу жизни) Мы так сделали по необходимости и неизбежности - и это тоже давит, на меня - по крайней мере. Но я себя утешаю, что всё это - отличная профилактика деменции.

Линия жизни

... но мама - девушка деревенская, а там это была обычная история. Дети специально никто не занимался. Старшие приглядывали за младшими - вот и весь уход

мамочка моя младшенькая-десятенная к ее рождению живы были три брата и две сестры, когда маме не было еще и годика отца и деда расстреляли как кулаков. И осталась бабушка одна с шестью детьми.

это был 37 год

и мама была хорошенькая, как ангелочек. И все ее любили. И баловали. Старшая сестра была старше на 15 лет. в 20 лет, в войну, потеряла дочь и мужа, и всю любовь вылила на младшенькую сестренку. Шила ей

шила ей чудесные платица - а у деревенских вообще не было никаких тогда. Все ею восхищались. И мама привыкла к этому восхищению. Женихи укладывались в штабеля. Ее фото были на витрине фотоателье - как реклама, и парни их с этой витрины тырили.

после техникума работала на заводе и танцевала в ансамбле. Комсомолка, танцовщица и просто красавица. Сестра продолжала шить ей шикарные наряды. Из китайского бархата (на основе из шелка - мимими), из шелка, из тонкой шерсти, из батиста и муслина, с вышивкой, мережкой, кружевами...

в деревне - в 150 км от Уфы, техникум - в Уфе, а работала она в Ишимбае

да в дыре еще и побольше, чем в центрах (хороших тканей. примечание редактора). Там - ценителей было меньше

ООООО!!!! Мой папа был заезжий принц... Прекрасный, милый, образованный, приехал в отпуск к маме и сестре. Зимой. А сестра дружила с мамой. Пришла у мамы лыжи попросить для брата - покататься. Мама у какого-то хлопца лыжи взяла для брата подружки - брат подружки пригласил красавицу составить компанию... решил показать, как он круто съезжает с крутой горы и вывихнул плечо во время подвига. Угодил в больницу. Принцесса навещала раненого в больнице. А в принца влюбилась докторша - тоже красавица, но еще и умница. Окружила принца заботой и продлением больничного листа. Отпуск принца удлинился вместе с листом, докторша отыгрывала время для себя - но столько же времени доставалось и принцессе. Ну и вот, принц влюбился бесповоротно. Хотя надо отдать должное докторше - она сражалась до последнего. Даже из Ишимбая в Уфу с ним поехала, типа сопроводить пострадавшего на посадку в аэропорт.

да! потом принц писал письма. Каждый день. Красивым почерком. Принцесса иногда отвечала коротеньким письмом. Одним - на десяток писем.

Принцесса получила квартиру и взяла к себе из деревни старшую сестру- ту, вдову. За эти годы она из молодой вдовы превратилась в старую - уже за сорок! - суровую и строгую, которую в деревне уважали и побаивались, чтобы брат мог привести в дом жену, и не пугать ее двойной суровостью - от свекрови и от пуще свекрови (не помогло, красавчик дядя так и не женился)

Принц на строгую сестру особого впечатления не произвел.

Но письма принца она бережно подбирала из тех углов, куда закидывала их принцесса, и складывала в сундук. А принц всю жизнь хранил письма принцессы в папочке в среднем ящике рабочего стола, вместе с важными документами. Столы - менялись, не менялось содержимое средних ящиков.

Любила. И он ее любил. Но они друг-другу не подходили вообще - НИКАК. Папа умнее умных, а мама - я не знаю, прочла ли она хоть одну книгу после техникума. Но на красавицах и глупость смотрится очень миленько...

Наталья Евдошенко-Коваленко

Я совсем немного общалась с Кариной. В основном по публикациям в «Игле». Но есть несколько совершенно чудесных моментов в нашей переписке.

08.06.2024

Карина: Вчера думала - как там вы, как внучок растёт))

Я: Уже три месяца. Сейчас молодое семейство здесь, у меня во Франции.

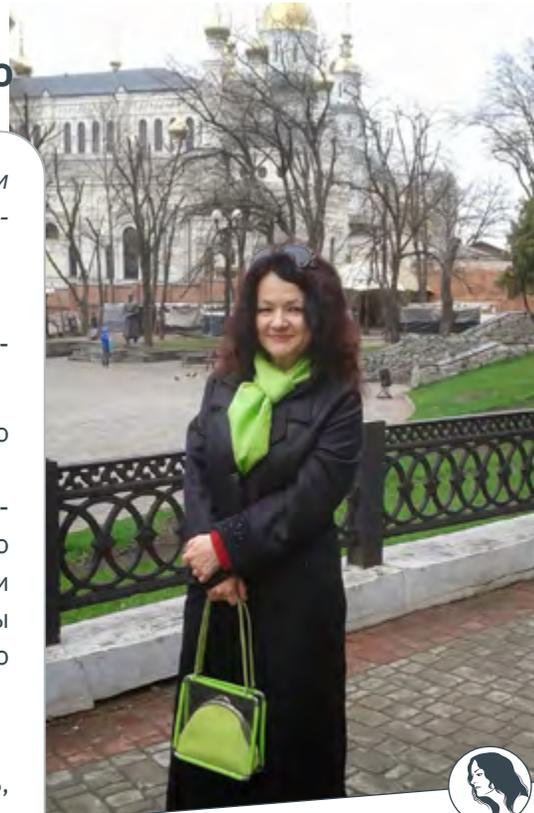
Карина: Боже! Как это прекрасно звучит, все аккорды - молодое семейство, у меня... и это «у меня» - во Франции (= для меня это - солнце, лаванда, вино и замки). Наташа, обнимаю, и держу кулачки, чтобы поездка в мордор прошла как можно более легко и радостно...

16.09.2024

Карина: Рада, что вы в безопасности)) Надеюсь, что в скором времени - темницы рухнут, война закончится, и мы получим возможность безопасно возвращаться в свои страны и выбирать страну проживания по желанию, а не по необходимости)

Я: Да, надеюсь. Сейчас все силы уходят на изучение языка и вживание в эту реальность. После пятидесяти это непросто. Но, очень вероятно, что жить в Россию не вернусь.

Карина: Да, согласна, учить языки в нашем возрасте - задача со звездочкой. Но, думаю, со временем большая часть человечества перейдет к этой практике - менять страны жительство - всё больше и больше молодых так и делает. Просто из любви к такому образу жизни) Мы так сделали по необходимости и неизбежности - и это тоже давит, на меня - по крайней мере. Но я себя утешаю, что всё это - отличная профилактика деменции.

Олег, прочитай, пожалуйста... внимательно)))... холодильник - сиреневый, а не фиолетовый

Олег - смотритель Маяка) в бурю будет зажигать фонарь и камин) и спасти заблудшие корабли и души)

Божееее, Олег! Ну у тебя и чувство юмора!!!) Хорошо, полицейские быстро сложили два и два и оценили - в какой ситуации они оказались)

Олег Швырка

редактор выпуска на сайте igla.press:

«любила эту группу неделю лежала в госпитале и вообще ничего ничего не читала - даже личных сообщений, просто не было сил... сейчас решила прочитать - а под руку скакнули <вы>»

25 ноября 2025 года

| ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

НАД ПРОПАСТЬЮ

Она пришла ко мне чуть свет.

Даже не пришла, а прискакала. На сонном Пегасе.

Это к настоящим писателям она является сияющей и прекрасной, озаряя идеями и осыпая вдохновением.

А ко мне вот так, чуть свет и в хитоне поверх пижамы.

Каллиопа Зевсовна, собственной персоной, без макияжу и антуражу. Гужевой транспорт марки Пегас, скоростные характеристики так себе — как свалить с Парнаса - так еще ничего, сила тяготения в помощь, а если рифму к строке или текст к дедлайну - тоооо... ну, на эту парочку я бы не стала рассчитывать.

- Чего сидим? Карандаш слюним?

- Домашнее задание пишем. Проза. Короткая. Без диалогов

- Поздно! Он уже проскользнул. Диалоги — они как многоги — вползают в девичий рассказ, а ты не зевай, лови свои легкие прекрасные мысли, облакай их в яркое радужное оперение слов, рассаживай красиво по строчкам, пусть они привлекают внимание своим невыразимо прекрасным самоцветным сиянием.

Без словесных завитушек нужно обойтись: глаголов побольше, действия: «завораживают», «притягивают», «не отпускают», «увлекают в волшебный омут чарующего повествования»...

Слова сонными курами, лениво рассаживаются по строчкам-наседам. Ни строя, ни смысла, только безмозглое невнятное кудахтанье. Кажется, верхние строчки гадят на нижние.

Подбрасываю им две горсти знаков препинания — всполошились, отряхиваются, уворачиваются от тире, подавиться, что ль, боятся? К запятым относятся благосклонно, снисходительно, видимо, они кажутся им меньшим злом, но, может быть, запятые вызывают зависимость, привыкание. Надо подумать, но не сейчас, не сейчас. Запятые, они всегда расклеивают в первую очередь, точки отпихивают в конец строк, там уже всё щедро унавожено многоточиями...

- Каллиопа Зевсовна, точка должна быть как пуля, а не как гуано!

- Гуано — более податливый материал. Можно хоть что вылепить. И тоже разит... прямо в цель. Что цель у нас?

- Проза.

- Точнее и короче!

- Короткая проза!

Из прихожей доносится безудержное ржание Пегаса

- Что нового поведать в этом жанре ты хочешь миру?

- Все новое, поведано тобою древним грекам - тогда и бушевало море неизреченных истин, а ныне ты еще не написала ничего - а эхо уж доносит - повтор и плагиат, такое уж бывало повсеместно и не раз.

- И греки ныли точно так же - всё новое написано до них. И метод мой с тех пор ничуть не изменился. Бери перо, пиши. Пути другого нет.

Выдирает перо. Пегас обиженно хрюкает и уносит музу к срочным текстам, бессонным поэтам, сонным барышням, бессмертным романам и статьям-однодневкам.

Подобрала перо, сложила в узелок со всеми своими обеими рукописями.

Собрала в кулак мужество, волю, синтаксис, пунктуацию и оптимизм. Накинула на плечи воздушный пофигизм. Открыла дверь в прекрасное далеко. Зажмурилась, шагнула. И застыла. Над пропастью вися.

КАК Я ЛЕЖАЛА со Славой СЭ

История правдивая от начала и до конца. Завидуйте молча

Как обычно бывает: ждёшь отпуска целый год, а он далёк, прекрасен и недостижим, как домик куклы Барби в детстве. А потом кто-то делает монтаж, и ехать — завтра, а сегодня пахота до вечера и дедлайн. Работы много, а купальников — ни одного. И вот забегаешь в магазин, как в последний вагон. А там девичьи мечты всех размеров и цветов. Чем меньше купальник, тем выше цена. Тот, который шит из метра блестящей проволоки отдают по цене обычного золота. И не нужно жадничать - если пересчитать на караты, получается не так уж и дорого. Но из всего этого великолепия лично на тебя шит только бирюзовый. Бирюзовый, как небо над домиком Барби. И верх густо унавожен жуткими розочками. И бисером обсажен. Обильно, щедро. Тысяча китайенок искололи себе нежные пальчики, вырезая эти розочки из шелка и формируя клумбу на месте, где теоретически должна быть грудь. Продавщица, считав сомнения по колыханию шторы примерочной, притащила бирюзовое парео. Китайские феи соткали его именно для этого случая. Оно идеально прикрывало отсутствие бюста и присутствие клумбы. Пока я слабо трепыхалась в оковах парео, продавщица добила меня тапками. Бирюзовыми, как отражение неба в прудике Барби.

И вот мы счастливые, предвкушающие, грузим в машину сумки и кота, едем, прославляя жаркий сентябрь и пригородные отели. Слава отелям, которые открывают свои двери постояльцам не только с детьми, но и с другими животными. Честно говоря, искренне счастливы только мы с мужем. Кот, за решеткой переноски оскорбленно молчит. Эта суета его понимает, и если он что и предвкушает, то только новые диверсии с нашей стороны. Мы не подвели. Побросали сумки в прихожей и побежали к бассейну, оставив котика одного безразлично обнюхивать номер.

Сентябрь выдался жарким, бассейн — бирюзовым, отель малолюдным. Кроме нас у бассейна возлежали три неумолчные дамы. Ровно через тридцать секунд мы угадали профессию одной из них. Акушер-гинеколог громким заботливым голосом вопрошала, как давно была последняя схватка?

- О, да это только начало, не волнуйся, всё под контролем, да, да, я уже еду — говорила она, томно возлегая на шезлонге и втирая в кожу масло...

Две другие дамы говорили шепотом, но над поверхностью воды шепот распространяется без потери качества звука. Так что мы невольно погрузились в интимные подробности жизни многочисленных знакомых неизвестных нам дам.

Я открыла припасенную к отпуску книжку и погрузилась в чтение.

Дамы, перебрав кости всем знакомым, впились в скелеты незнакомцев. Обсудив макияж и педикюр акушера, они перешли к следующей жертве.

- Ты только посмотри на эту, которая лежит со Славой Сэ. Она прям вся вырядилась в его цвета – Муж, который до той поры думал, что он единственный муж у бассейна, стал озираться в поисках цветного Славы и его недостойной спутницы.

- Это я! Я лежу со Славой Сэ! — Шепчу я театрально и муж смотрит на меня жалостливо: во как напекло головушку осеннее солнышко.

А я настойчиво тычу в книжку пальчик. В книжку Славы Сэ. Бирюзовую — как небо над домом куклы Барби. И как тапки.

Мысленно восхищаюсь дамами, у дам глаз — алмаз. На таком расстоянии определить книгу по цвету – это высший библиофильский пилотаж. А может они прокачались на тренинге «как узнавать книги по обложкам» ?

Вокруг бассейна лёгкой бабочкой порхает официантка. И я думаю – не заказать ли вместо мохито блю-кюрасао? В тон книги и тапок. Потом решаю не заказывать, мы трое самодостаточны — я, бассейн, и Слава Сэ. Так и пролежали весь отпуск, все четыре дня. Мы со Славой в шезлонге и бирюзовый бассейн у наших ног.

А для тех, кого интересует, доехала ли акушер со своим педикюром на шезлонге до роддома, скажу, что к ужину она сдвинулась сантиметров на пятьдесят к бассейну – в сторону, противоположную роддому.

А если кого-то интересует мнение кота – так там еще печальней. Кот сутки просидел в ванной и не делился с нами своим мнением. Потом сменил гнев на милость, простил нас и изложил свою точку зрения.

Щедро. В бирюзовые тапки.

Бирюзовые, как небо над домиком куклы Барби.

Я как-то уехала в отпуск)

*Открываю фейсбучек - а там моя девочка,
мой цветочек - летит в пропасть, привязанная
за веревочку....*

Инфаркт микарда - вот такой рубец...

ОМБАЛО

Нет, всё-таки запахи – волшебная вещь! Один-единственный вдох превратил солидного Вячеслава Александровича в балахманного старшекурсника Славку и закинул на тридцать лет назад и две тысячи километров на юг Ничего себе, финт фортуны.

А ведь с утра ничто не предвещало: обычный день, дела забросили в спальный район, а голод в непримечательное кафе. “Мимино” – без претензии на оригинальность, полумрак, запах кухни, крошки на бордовой скатерти и печальный звук чонгури в записи. Заказал чашушули, салатик и бутылку “Тархуна”, шустря официантка сменила скатерть и музыку, изящным движением поставила корзиночку из лозы с горячим торниспури – ого! – неплохо, и маленькую глиняную мисочку с ткемали.

Сколько ткемали перепробовал он за многие годы в разных городах и странах, а вот тот самый, правильный вкус и аромат встретил – кто бы мог подумать! – в родном городе, в спальном районе, в подвальном кафе с квазикавказской кухней. Вкус и запах, боже ж ты мой, этот невероятный, терпкий, пряный, кислый, острый запах, манящий, зовущий, искушающий, пробуждающий аппетит и давно уснувшие чувства, возвращающий забытые страсти.

...Всё это придумал Пашка, неутомимый и вездесущий Пашка, весельчак, балагур, и научная гордость факультета. Сначала Пашка организовал крутую шабашку для четверых друзей под видом стройотряда, заработали годовую инженерную зарплату за два месяца, а потом Пашка каким-то неведомым чудом добыл билеты в Батуми, чудный флигель с беседкой и до моря рукой подать.

Путь к морю – через дворики, в одном из них Пашка прямо на ходу завел дружбу с бабушкой Нино, Ниной Ражденовной, промышленявшей вах-какими-чебуреками и хачапури. У нее же можно было разжиться молодым вином и забористой чачей. Не отдых – мечта! Славик, Пашка и два Андрея веселились с утра на пляже, вечером с гитарой и барышнями в беседке, ночью кому как повезет, но в целом везло так, что дух захватывало.

А потом появилась Тинатин. Славка увидел её – и пропал. Вот как ушел утром за чебуреками и хачапури, как увидел вместо суровой Нины Ражденовны прекрасную Тинатин – так сразу и пропал. Тинатин готовила ткемали на летней кухне, аромат заполнил дом, двор и пошел гулять по улице. А Славка остался. Весь мир, вся жизнь, университет, альпклуб, гитара, море, друзья, ожидающие завтрака – всё было где-то там, потускнело, растворилось в прекрасном Сейчас и дивном аромате. Даже в раю не может так ошеломительно пахнуть, слишком много страсти и темперамента в этом запахе. Но только оттуда могла явиться эта пери? Не могла же она банально приехать на поезде из Тбилиси на каникулы. Пери изящным движением руки отогнала назойливую муху, назойливые речи внезапного поклонника и продолжила толочь в ступке зелень и специи.

- Тук-тук-тук - стучал каменный пестик,

- Тук-тук-тук – горячо откликалось Славкино сердце.

- Тик-тик-так - понеслось отсчитывать секунды неумолимое время.

- Омбало, чуть-чуть не хватает омбало, дай пару веточек, - снизошла Тинатин, и указала на травку с сиреневыми цветочками, которая росла на клумбе прямо под окном. Нежная травка неожиданно мощно пахла. И не было более прекрасного занятия на свете, чем подавать дивную траву дивной пери. Остаток августа пролетел одним терпким мгновением, и унес утренние приготовления трав, дневные походы на рынок, поездки по окрестностям, тайные пляжи с горячим черным песком и горячими поцелуями, ботанический сад с тенистыми уголками, до которых гиды не доводят туристов, закаты на горе, улетевших без Славки друзей.

Они расставались на вокзале, ночной поезд уносил Тинатин в Тбилиси, в ее студенческую жизнь. На прощанье она подарила Славке баночку ткемали и ситцевый мешочек с семенами омбало, завязанный на бусинку. Расставались, в принципе, ненадолго, Славка прилетит к Тинатин на октябрьские праздники, но для влюбленных два месяца – целая вечность.

Они переписывались и перезванивались, приходили в назначенный час на переговорные пункты...

И никогда не встретились: в Грузии начались беспорядки, война, бессветье, безводье, безгазье, след Тинатин потерялся. Она могла выйти замуж, сменить фамилию, уехать из страны.

Со временем образ её померк, боль утихла, поиски переросли в поиски правильного ткемали. Того самого — с омбало. И вот, через столько лет!...

- Как вам ткемали? – вернул в действительность голос официантки.

- Его готовит наш новый повар по старинному семейному рецепту. Недавно приехала из Тбилиси.

- Тинатин? – одними губами спросил Вячеслав.

- Тинатин, – удивленный эхом откликнулась девушка.

Три прыжка, два опрокинутых стула - и Вячеслав достиг кухни.

Она стояла спиной и нарезала, конечно же, омбало.

- Тинатин!!! – она оборачивалась целое тысячелетие.

Обернулась.

Вопросительный взгляд черных глаз.

Не она.

По кухне плыл аромат ткемали, сладкий, как миг любви, горький, как расставание, и терпкий как страсть и память.

Кофейная гуца - это не мракобесие, а способ общения у батумских кумушек. Я это действо наблюдала всё детство. Начиная от помола кофе ручной мельницей в пыль. Кофе - не карты, правду говорит только если его правильно задобришь, смелешь, свариишь, выпьешь и правильно перевернешь чашечку на блюдечко - иначе ничего не получится... Тут вам не шахматы - тут особые комбинации))

Тот ДВОР

Ходить в «те дворы» было запрещено.

Ох, эти «те дворы» вдоль бесконечной приморской улицы - в центре дореволюционные дома, хранящие память о былом и архитектурные излишества под культурными слоями развитого социализма!

Одна комната - одна семья. Часто многодетная. Дети - цветы жизни и способ продвижения в бесконечной очереди на заветные квадратные метры. Дома обрастают нахалстроем - пёстрыми домиками из фанеры, ящиков, кирпичей и палок - кухни, спальни и даже гаражи.

Жизнь во дворах кипит и пенится - тут стирают и сушат бельё, моют горластых младенцев в тазах, пьют пиво и забивают козла, жарят рыбу на костре, штопают носки, вяжут шарфики, неторопливо мелют кофе в ручных мельницах, тут же варят в джезвах на керосинках самым правильным способом, (не то, что в других дворах, там разве кофе, смех один), тут же пьют из крошечных чашечек под бесконечные сплетни. Темы для сплетен — вот они: полный двор, а есть же ещё соседние дворы, да ещё мимо ходят эти — в мини-юбках. Чем короче юбка, тем длиннее беседа.

Запах близкого моря, жареной рыбы, палисадников, мокрого белья, дощатого сортира. Вопли младенцев, визг девиц, ор подростков под разбитую гитару, стук домино, матерок отцов семейств в обвислых майках, лай собак, мяв котиков, звон тазов. Временами весь двор накрывает огромная палатка цвета хаки и это означает одну из двух вещей. Чтобы узнать, какую именно - надо заглянуть внутрь палатки - если она поделена на два помещения - то похороны, если нет - свадьба. Тут же во дворе кумушки готовят поминальные или свадебные блюда. В огромных кадушках делают фарш, замешивают тесто, не переставая щебетать, обсуждая событие, свадьбу ли, похороны ли... Ждут гонцов с вестями, когда привезут гроб или из скольки ярусов фата у невесты. Если гроб красного дерева или фата в три яруса и до земли - набегут поглазеть из других дворов. Да что там - набегут в любом случае, даже если гроб попроще или фата покороче.

И вот в эти восхитительные «те дворы» нам, детям из скучных благополучных дворов с унылыми качелями и обрыдлыми песочницами, ходить было запрещено строго-настрога. И те из нас, кто маму слушал нифига не соображали ни в гробах, ни в фатах. Да ладно, кто там маму-то слушал?

С таким же успехом можно запретить входить в пещеру Али-Бабы стоящему у входа. Хотя - что там, в пещере, интересного-то? «Те дворы» - совсем другое дело. Один из них был особенно прекрасен. Не было в мире ничего приятательней и восхитительней. Там были котята. Милые, пушистые и ничьи. Можно было играть с ними с утра до вечера. Принести колбаски, сторожить их покой, пока торопливо едят, отгонять бывалых рваноухих и одноглазых.

А потом угостить Бубу семечками.

Буба - самое большое сокровище, центр моей вселенной. Двор тот - прекраснейший из дворов, люди - счастливейшие из людей, ведь у них есть Буба. Знаете, как выглядит полное безусловное счастье маленькой девочки из приморского города? Счастье имеет вид небольшой обезьянки. Макаки по имени

Буба. Бубу привез моряк из рейса. Прекрасный подарок детям. Характер у Бубы оказался скверный, манеры отвратительны. Буба потрошила подушки, каталась на люстре, дралась с зеркалом и ходила в холодильник, как к себе домой. Воспитывали Бубу как родных детей, ремнём. От такого воспитания и дети были не особо шёлковы, а Буба так вообще характером испортилась вкрай. За многочисленные преступления и склонность к рецидивизму Буба была сослана во двор и прикована длинной цепью к единственной ноге ржавого круглого стола.

Жизнь двора и прежде не была томной, с Бубой развлечений прибавилось. Швырять камни по быстро скачущей цели гораздо веселей, чем просто по жестяной крыше. Стырить длинную палку, подпирающую веревку с бельём, и тыкать ею в Бубу - ржака для всего двора, за исключением хозяйки рухнувшего в пыль белья. Да что там - можно просто дразнить Бубу - маленькая обезьянка в ярости и иступлении это же очень смешно, и не так опасно, как озверелая хозяйка погубленной стирки. Странно, конечно, но ссылка характер Бубы не улучшила. Буба стала прятаться под столом, внезапно нападать на людей и кусаться. Двор несказанно обрадовался новому развлечению.

Двор был проходным, через него срезали путь торопящиеся по своим делам люди из других дворов, улиц, и даже городов и стран - чужаки, одним словом. Вот идет чужак, торопится по своим мелким делишкам, проходя насквозь дворовую жизнь, жизнь на секунду замирает в сладостном предвкушении - благостно улыбаются мужики сквозь банку с пивом, хихикают кумушки, на миг перестав молоть кофе, усмеваются бабушки, не переставая мелькать спицами, прыскают хозяйки над тазиками, ржут детишки - Буба с воплем бросается на чужака и, если чужак недостаточно расторопен, успевает покусать его. Двор взрывается ржаньем и улюлюканьем, зло наказано, а потому как нефиг, есть у вас свой двор - там и ходите. Согласитесь, странно, что мама не разрешает ходить в прекрасный во всех отношениях «тот двор». Ведь там такие милые котята и Буба.

Вообще-то я изрядно трусовата, но за котят и за Бубу смело ввязываюсь в драки с превосходящим по росту, возрасту и количеству голов противнику. Дерусь отчаянно: недостаток силы и специальной лексики компенсирую визгом. Так себе замена, конечно, но худо-бедно сработала. По крайней мере, я быстро приобретаю репутацию полудурки и кликуху Интэлэгэнция - два бессрочных пропуска в «тот двор», где меня ждут пять котят и бедная затравленная обезьянка с глазами, полными отчаяния и тоски.

Самая моя заветная мечта - добыть банан. Я уверена, что банан сделает Бубу счастливой, напомнит ей родные джунгли и милую сердцу Африку. Пока я продумываю способы бананодобычи, в ход идут семечки. Семки прекрасный бананозаменитель, можете мне поверить. Буба аккуратно берет по одной с протянутой ладони, лузгает ловчее самой заправской кумушки и сплёвывает шелуху под стол с крейсерской скоростью.

Счастье можно найти в самых неожиданных местах. Вот прямо посреди дерьма, объедков и шелухи обретаешь счастье в виде самой прекрасной, самой настоящей - правда-правда - обезьянки. Кажется, большего счастья и быть не может. Может, ещё как может - тут еще пять котят. Пять пушистеньких комочков счастья.

И всё же, почему мама запрещает ходить в «тот двор»?

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Канун Рождества в деревенском книжном клубе.

Сегодня книжные пани не говорят о книгах. Они ждут чуда и вспоминают волшебные истории. У каждого человека в жизни есть такая – волшебная история. Рассказывают, и на глазах молодеют, голоса звенят хрустальными колокольчиками и мне кажется, что за их спинами вижу крылья милых рождественских ангелов.

– Твоя очередь, – легонько касается моего плеча Ангел в футболке с котиками.

– Моя... про чудо?

Водоворот памяти тянет меня в первое военное Рождество. О, это одно сплошное чудо!

Мы выжили в аду.

Мы выбрались из-под огня и взрывов.

Мы нашли приют в этом тишайшем месте на земле.

Но почему нет сил на радость? Наверное, потому, что в этой войне нет выживших: есть не полностью погибшие.

В Польше Рождество – большой семейный праздник. Уже в конце ноября всё преображает-

ся: на средневековых площадях вырастают ярмарки, веселая суета наполняет улицы. Взрослые спешат за подарками, счастливая детвора катается на разноцветных каруселях, а после строчит письма святому Миколаю.

И только мы, познавшие настоящее чудо, не растворяемся во всеобщей радости. Пряный запах горячего вина пролетает мимо, не находя отклика в душе. Пробую писать, но отчаяние и тоска – бессюжетны и неопишутемы. Мысли тяжелые, как ящики, которые я таскаю на фабрике.

Мама – в мягких спасительных лапах деменции. Она не верит в войну. Хочет праздника. И моря.

И я совершаю тройное безумство.

Увольняюсь с изнурительной работы.

Покупаю курс писательского мастерства.

Мы с мамой едем к морю.

Я не знаю, где мы будем жить, что мы будем есть. Но сейчас мне почти весело, я еду к морю и прошу небеса дать мне знак.

Балтийский берег в Рождество мрачен и безлюден. Нет, не так.

Балтийский берег в Рождество восхитительно безлюден. Уединение в трех плоскостях бесконечности: моря, неба, песка.

Вот с этого места, с этой точки, в восхитительной бесконечности, начинаю свой рассказ для библиотечных ангелов.

Я не сразу их заметила. Лебеди! Целая стая лебедей. Они возникли из ниоткуда, и величественно направились к берегу. Вышли и клином двинули в мою сторону.

Пешеходы из лебедей так себе: идут вразвалочку, но не теряют важности. Мне нечем было их угостить, но они шли и шли за мной, мои милые рождественские чудеса номер раз.

Улыбаясь, иду по берегу во главе своей новой стаи, и вдруг мы слышим хохот. Впереди стайка монахинь, которые плещутся в холодном море и с визгом бегут переодеваться. Настроение у них явно праздничное. Ещё бы – день рождения их Жениха!

Их радость так заразительна, что передаётся и мне. А ведь это не девчонки, почтенные дамы, но такие легкие, полные счастья. Похоже на знак небес номер два.

Третий знак ждал меня в эллинге. Под брюшками спящих над землёй яхт разлилась большая лужа. Деловитая ворона пытается пройти её вброд. Пробует воду лапкой, делает шаг, доходит до глубокого места, возвращается, повторяет попытку из другой точки.

Выглядело это так потешно, что я расхохоталась. Хохот напугал ворону, от неожиданности она, в прямом смысле, села в лужу. И оттуда, из лужи, посмотрела с таким укором, что я устыдилась своей неделикатности.

— И что это был за знак? — нетерпеливо спросил Ангел с малиновыми волосами.

— Ясно же, — авторитетно заметил Ангел с брошкой-бабочкой, — «Не бойся замочить лапки и не обращай внимание на общественное мнение».

— И что чудеса случаются, если будешь настойчивой вороной, — добавляет Ангел в футболке с котиками.

— Ну и что было дальше?

Я чуть не забыла про урок по писательскому мастерству. Хорошо, что суровый Балтийский ветер принёс замечательный Интернет.

Иду, слушаю урок, и совершенно неожиданно Знаменитый писатель называет мой рассказ талантливым, советует написать роман и даже обещает его опубликовать!

— *Вот оно – Рождественское чудо!* — ахает Ангел с малиновыми волосами.

— У меня в книжке есть пустая страничка – я думала, это типографский брак, а теперь понимаю – это чистый лист!

Давайте напишем на нем свои пожелания, — предлагает Ангел с янтарными бусами.

Недавно мы получили смску от Ангела в футболке с котиками: «Страничка работает!» и фото открытия ее кафе-пекарни.

Мира тебе, Ангел с котиками!

Пусть сбудутся все мечты, и у моей книги будет чистый лист и счастливый конец.

#ЧИСТЫЙЛИСТ

| ПОДАРОК ОТ КАРИНЫ
Имбирные пряники

Из этого количества продуктов получается более двух килограммов теста (приблизительно 2350 г) – если столько не нужно, то вполне можно ополовинить. А можно не половинить, тесто можно пару недель хранить в холодильнике – а праздников впереди много.

| РЕЦЕПТ

Нам понадобится:

- 1250 муки - это примерное количество. Обычно уходит меньше.
- 500 г мёда
- 2 яйца
- 500 г сахара
- 300 г масла
- 50 г какао (можно брать и побольше — если делать без специй — будет медово-шоколадный вкус)
- 2 ч.л. разрыхлителя (для домиков 1 без верха чайную ложку соды, а для маленьких тонких печенек можно взять еще меньше соды)
- 3 ст.л. рома (ром льём, если уверены, что этот замес не для детей. Дети чувствительны к запаху алкоголя, им может не понравиться — да и ни к чему детям ром, если только это не пиратские дети)
- Корица – 1 чайная ложка
- Кардамон - щепотка (я всегда использую кардамон в зёрнах, он более ароматный, семена из коробочек растираю в ступке)
- Гвоздика (тоже толку в ступке — одну-две гвоздичины — не больше, гвоздика очень сильная специя — если больше положить, то остальные специи можно не класть совсем — гвоздика их забудет и будет царствовать единолично и безраздельно)
- Имбирь – 1 чайная ложка молотого или свежего. Свежий имбирь — мелко-мелко режу сантиметра два корешка. Можно натереть на мелкой терке — но внимательно проследить, чтоб не попали жесткие жилки-волоски, коих в имбире великое множество.
- Анис (запах у него своеобразный и тоже довольно сильный, щепотку — без фанатизма — чуть-чуть — я тоже не использую готовый порошок и толку в ступке непосредственно перед замесом)
- Бадьян — используем вместо(!) аниса - растолочь семечки из одной звездочки (там не в каждом луче будет семечко, так что передоза не будет)
- Мускатный орех — этот я использую смолотым, и только изредка, в припадке трудолюбия и кулинарного перфекционизма толку в ступке — сначала орешек надо разбить молоточком, а потом уж осколочки прилежно растирать
- Душистый перец — штук пять перчинок растереть в ступке
- Черный перец-горошек — очень на любителя, вот я, например, очень любитель. Если понравится — можно еще поэкспериментировать с белым и розовым перцами.

- Цедра одного апельсина и одного лимона — с цедрой всё более чем просто: есть у меня в хозяйстве самоличноприготовленная цедра — сыплю, нет — не сыплю. Магази́нная цедра слова доброго не стоит. А вот если не полениться и самой посушить апельсиновых корок — то в прянике они просто изумительно проявляются — когда сухая цедра, напитавшаяся мёдом и превратившаяся в ароматный цукатик, в прянике попадет на зуб и взорвется пряно-апельсиновым вкусом, поверьте мне — это стоит того, чтоб посушить апельсиновые корочки). Но - вполне можно обойтись и без них.
- Ваниль, ванилин или ванильный сахар.

В целом о специях — без каждой в отдельности можно обойтись, кроме имбиря — тут уж нашим пряникам придется расстаться с названием — имбирный пряник без имбиря... хотя — тоже возможно — ведь бывает черепаховый суп без черепах, то есть, всё возможно, но я лично без имбиря — не пробовала, а посе́му — не знаю.

Так вот — программа минимум - это чайная ложка имбиря и чайная ложка корицы — чудесное сочетание и в случае детских пряников на этом можно остановиться.

Хотя по моему опыту — даже очень маленькие дети с удовольствием едят пряники с большим количеством пряностей и перца. Тут дело личного вкуса.

Совсем без специй можно тоже — увеличить количество какао и ванилина. Будут шоколадные пряники. Какао тогда надо брать хорошее — с выраженным шоколадным вкусом.

Приготовление

1. Мёд, сахар, масло (если есть цедра — то ее тоже — туда, пусть превратится в медовые цукаты) разогреть, пока сахар не растворится. Добавить соду. Масса не должна кипеть, а только прогреваться. Снять с плиты (вот с плиты мы снимаем эту смесь в определенный момент — вот она нагревается — мы мешаем, мешаем, перемешиваем, и в определенный момент смесь вспенится, станет пышной, воздушной — вот тогда и можно снять с плиты, вот тогда — самое время, не раньше, и смесь эта — такая вот медовая мягкая карамель — может быть самостоятельным десертом — отложите себе пиалочку этой божественной амброзии к завтрашнему кофе — не пожалеете) и дать слегка остыть до степени, когда до массы можно безопасно и комфортно дотронуться пальцем.

2. Половину муки перемешать с пряностями и какао.

3. В медовую массу ввести не взбитые, а перемешанные до однородности яйца, в два приёма. Добавить ром.

4. Вмешать пряную муку в медово-яичную смесь и хорошо вымесить тесто. Остальную муку домешивать постепенно, тесто должно быть плотным и эластичным. На это уйдёт минут 20-25. Не нужно стремиться вмешать всю муку. (Возможно, уйдет 1100 - 1200 грамм). Во время вымешивания тесто остынет, но будет ещё тёплым. Остановитесь, положите тесто в цел-

лофановый пакет и оставьте на ночь в холодильнике. Пусть оно отдохнёт и вылежится. Хранить тесто в холодильнике можно и пару недель — оно только лучше настоится.

5. На следующий день, или неделю — как придет настроение, раскатывайте тесто на столе толщиной — от 5 до 10 мм, но если под роспись — где-то миллиметров 6 -7 идеальная толщина, вырезаете фигурки и выпекаете - при 180 градусах -6-8-10 минут, зависит от размера пряников и духовки. Чем тоньше тесто — тем меньше времени на выпечку.

Пекутся быстро — важно не пропустить момент готовности. Только что испеченные пряники очень мягкие — перекладывать нужно осторожно. Я пеку на листах пергамента или силиконовых ковриках и выкладываю готовые прянички на стол вместе с листом, на котором они пеклись, накрываю еще одним листом пергамента и сверху придавливаю доской — чтобы получить идеально ровную поверхность под роспись.

После остывания прянички можно сложить друг на друга и в таком компактном виде хранить. Но! Только после полного остывания — иначе форма поплывет, взволнуется.

Взволнованные пряники, конечно, такие же вкусные — но далеко не такие красивые. А красота — это наше всё.

На следующий день можно украшать наши пряники глазурью-айсингом. Готовим для начала два вида глазури — погуще — для контуров и линий и более жидкую — для заливки поверхностей.

Рецепт Королевской глазури (айсинга) от Эдди Спенса

Эдди Спенс – легендарный британский кондитер. Этот джентльмен более сорока лет делает пряники для английской королевы и считается непревзойденным гуру в этом вопросе.

- 90 г сырого белка
- 455 г сахарной пудры очень мелкого помола – это крайне важно!
- 5-7 капель лимонного сока

Вылить белки в чашу, сверху высыпать пудру и взбить миксером вначале на малых оборотах (чтобы пудра столбом не стояла) до соединения с белком, а затем на средней скорости до гладкости и пиков, чуть тверже мягких. То есть наша масса при вытаскивании венчика из чаши лишь только на конце должна опустить слегка головку, а не полностью перегнуться. Лимонный сок добавляем под конец взбивания.

После этого накрыть чашу махровым (толстым) полотенцем, смоченным в холодной(!) воде и дать постоять отдохнуть минут 10.

После этого наполняем корнетики и рисуем. Перед каждым последующим наполнением корнетика, оставшуюся в чаше массу энергично размешать до однородности.

Для заливок рисуем контур нашим базовым айсингом, после высыхания контура заполняем заливочным айсингом.

Чтобы приготовить заливочный айсинг

Берем наш базовый айсинг, перекладываем в другую чашу и разводим холодной (!) водой (не лимонным соком) до такой консистенции, когда проведем острым ножом через наш разбавленный айсинг, след от него полностью исчезнет и рассосется пока мы досчитаем до пяти-семи в спокойном темпе, как по секундам.

На исчезновение следа нужно смотреть внимательно под разными углами освещения. Если айсинг будет густой, то у вас не получится гладкой и ровной поверхности, если жидкий - то он затечет за контуры и будут провалы, а не гладкая поверхность.

Хранить айсинг можно — в герметичном контейнере, завернутом во влажное полотенце и пакет — до недели.

Чем меньше прослойка воздуха между айсингом и крышкой контейнера, тем лучше сохранится айсинг. Перед повторным применением «лежалый» айсинг нужно взбить миксером с небольшим количеством (1-3 ст.л.) сах. пудры, так как во время хранения он разжижается.

Всё. Наши айсинги готовы. Можем приступать к росписи.

Перекладываем айсинг в кондитерский пакетик - корнетик. Если кондитерских корнетиков в хозяйстве не обнаружилось, что можно использовать канцелярский файл или пакеты от молока, сметаны.

Наполняем пакет, тоненько срезаем уголок — и рисуем, рисуем, рисуем

Над выпуском работали:

Редакторы:

Яков Наерман,
Кира Февралёва

Дизайн и обложка: Аня Болотинская
Выпуск на сайте igla.press: Олег Швырка

Особая благодарность Магиру Шихзадаеву за всестороннюю помощь в создании выпуска и фотографии из семейного альбома, а также Вере Арболь за озвучку большинства произведений, которые доступны на нашем сайте и, конечно, Владу Галанту за инициативу сборника, спонсирование и координацию усилий всех его разбросанных по свету авторов.

*Не будем удваивать сущности, даже если
они так прекрасны)))*

...ну фигли - после титров показывают кино, а мы что хуже?))

Работу над этим номером мы начали со слезами на глазах. Как иначе — ушел дорогой для нас человек.

Мы перечитывали переписку, слышали в ней голос Карины - мягкий, теплый, улыбающийся, и тяжело вздыхали.

И тут кончились деньги на счету чата GPT. Чат не перестал выполнять задачи по созданию иллюстраций, но выдавал такое, что мы сначала обмерли, а потом стали истерически ржать: пьяные снеговики с бандитскими рожами, планета, по мнению ИИ, несущаяся вскачь...

Это было несусветно и, правда, очень смешно. И мы поняли, что это Карина шлет нам привет, что она смеялась бы громче нас над этими нелепыми картинками, над бессмысленным пафосом рыцаря с татаро-монгольской усмешкой и омаром в чалме.

Мы стали смотреть её глазами на то, что делаем, говорить друг другу: «А вот это ей бы понравилось!» И ее слова, собранные из разных чатов, стали подбадривать нас, вести.

«Игла» соединяет.

И Карина умела соединять.

И спасибо всем, кто присоединился!